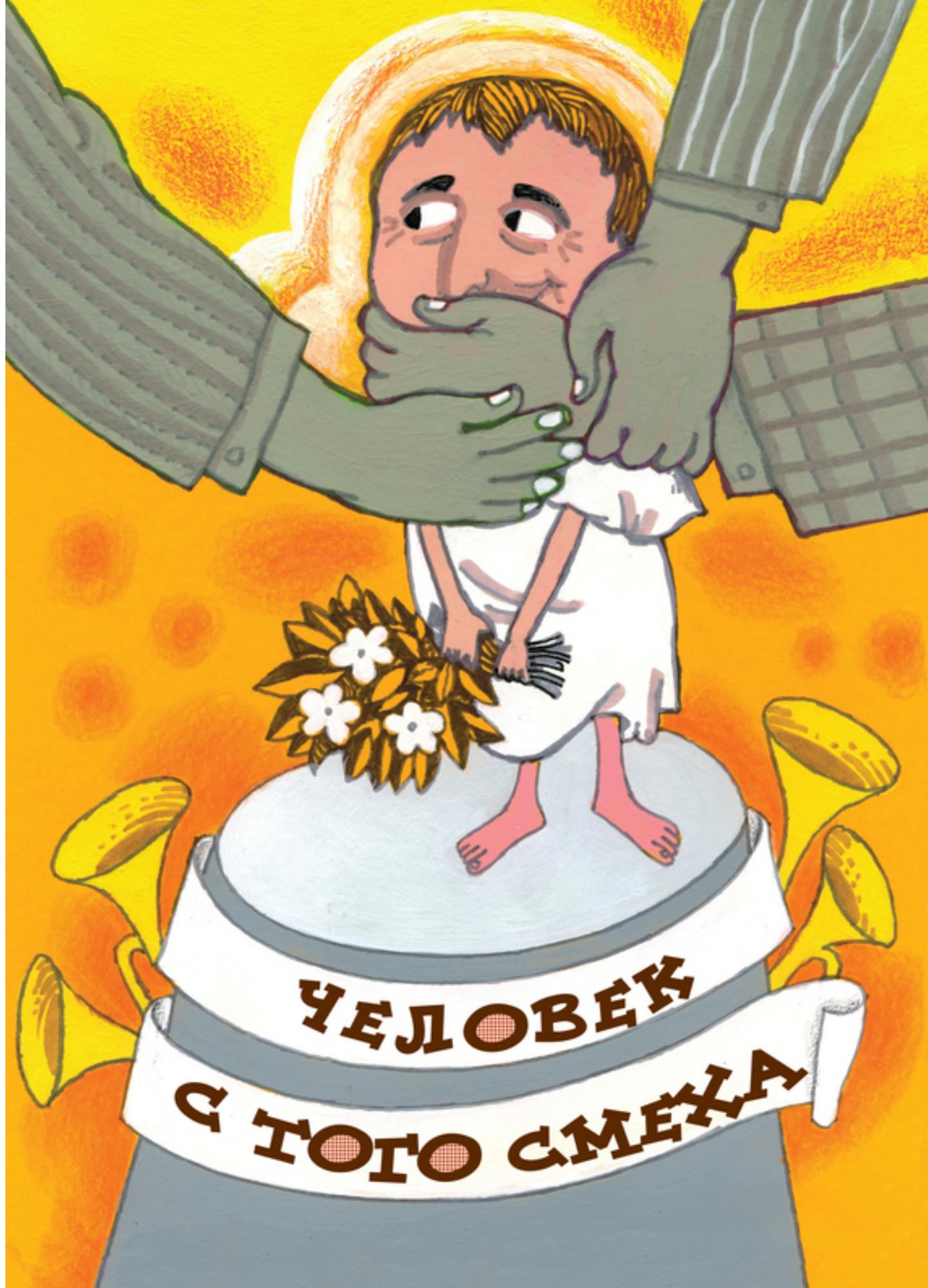

АЛЕКСАНДР КАНЕВСКИЙ

ЧЕЛОВЕК
С ТОГО СМЕХА

Александр Каневский
Человек с того смеха

«Автор»

2016

Каневский А. С.

Человек с того смеха / А. С. Каневский — «Автор», 2016

© Каневский А. С., 2016

© Автор, 2016

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	9
ГЛАВА ВТОРАЯ	18
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	26
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	45
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Александр Каменский

Человек с того смеха

ОТ АВТОРА

Мудрый Экклезиаст завещал: «Время разбрасывать камни, время их собирать». Я решил, что это адресовано мне лично: я ведь всю жизнь разбрасывал свои рассказы, притчи, новеллы, повести по разным журналам и издательствам, по разным городам и странам – вот и пришла пора собрать под одной обложкой, хотя бы некоторые из них, самые любимые, проверенные временем и читательским интересом.

У кого-то может возникнуть вопрос: «Чего это вдруг он решил издать «Избранное»? Наверное, к юбилею?..

Ничего подобного! Я не люблю юбилеи и никогда их не праздновал публично, ни в концертных залах, ни на телевидении, ни на радио. Во-первых, не очень верю в искренность обязательных юбилейных панегириков, а во-вторых, потому что часто после юбилеев терял дорогих мне людей: и Григория Горина, и Бориса Брунова, и Володю Точилина, и ещё многих. Бурные, помпезные юбилеи стали для них репетициями похорон. Поэтому я не люблю публичные чествования и всю жизнь их избегаю. Нет, я не пропускаю свои дни рождения и праздную их, собирая только самых близких друзей. Застольем руководит мой брат Леонид Каневский, лучший тамада на Свете, и вечер проходит в атмосфере искренней любви, доброжелательства и веселья. На каждом таком праздновании я читаю стихи, в которых подвожу итоги прошедшего года, или пятилетия, а иногда – и всей жизни.

Одно из таких стихотворений я помещаю в этой книге, вместо предисловия. Оно было адресовано только моим друзьям, сидящим за столом, но я читаю его и на своих творческих вечерах: ведь люди, пришедшие на встречу со мной, – это тоже друзья, как и вы, мои дорогие читатели! Так что открывайте обложку и заходите в эту книгу, усаживайтесь поудобней и побеседуем, негромко, по душам, пока мы ещё не разучились просто говорить друг с другом, без скайпа и фейсбука, без андроидов и айфонов...

Я – ЧЕЛОВЕК С ТОГО СМЕХА

Я – человек с того Смеха,
Не гений, и не дурак,
Знавший фанфары успеха
И шрамы погромов и драк
Книги мои рассыпали,
Не находя в них елей,
Спектакли мои убивали,
Как убивают детей.
Обкомы, горкомы, райкомы,
Безликих фанатов орда,
Погромы, погромы, погромы –
Убийцы открытого рта.
Даже сквозь малую дверцу
Пройти не давал мне Главлит.
Били умело, по сердцу

До сих пор сердце болит.
На мысли разумные – квота,
Молчи, если хочешь прожить...
Нам не давали работать,
Но не сумели добить
И нами был путь проторен
Хоть шли мы опасной тропой
Жванецкий, Арканов, Горин,
Вы ведь согласны со мной?
Время другое настало,
Заржал в Интернете Пегас,
Время слезать с пьедесталов,
Время идти в запас.
Настали другие формы,
Эпоха лупит под дых
Надо давить на тормоз,
И пропускать молодых .
Но мы отходили не сразу, ...
Был ещё шуток запас,
И вдруг, как ракеты из Газы,
Обрушилась пошлость на нас
Пошлость, умы выжигает,
Хоть верит, что веселит
Но больше всего огорчает,
Что залы хохочут навзрыд
Смех, как из бензоколонки,
Парни в восторге ревут,
С визгом смеются девчонки,
Чёрные слёзы текут.
Вкусы калечит халтура,
И вдруг моя совесть кричит:
«Где ты, убийца-цензура!?
Где ты, проклятый Главлит?!»
А впрочем, чего разворчался?
Того, что не молодой?
Иль просто не высыпался,
Иль просто я стал брюзгой?
Господи, только не это!
Молю, как датишный еврей:
Не дай мне советовать детям!..
Не дай поучать друзей!..
Я – человек с того Смеха,
Где всё было через нельзя.
Я – человек с того Смеха,
Где главное было – друзья.
Но многих со мной уже нету -
В Канаде, в Германии, в США...
Их разбросало по свету
И плачет по ним душа

Коль лучшее, что есть на свете,
Мы бережём для детей –
Я подарю своим детям
Моих дорогих друзей.
И прежних, которых в невзгоды
Я всё-таки сохранил,
И новых, кого в эти годы
Господь мне ещё подарил.
Да здравствует наше братство!
И до последнего дня
Имею я это богатство,
Ведь все вы есть у меня!
Я – человек с того Смеха,
Развеялись годы, как дым...
Утехи, успехи, потехи..
Пожить бы ещё молодым.
Чтоб Муза ещё прилетала,
Чтоб внукам не надоесть,
Чтоб сохранить до финала,
Достоинство, разум и честь.
Пожить бы ещё беспокойно,
И за столом пошуметь.
И женщин красивых и стройных
Хотя бы глазами иметь.
Чтоб жизнь дарила сюрпризы
Чтоб не покинул успех,
Чтоб всем хватало на жизнь,
Чтоб жизни хватило на всех!
Чтоб Бог сохранял и дальше
Мне дорогих людей,
И чтоб уже больше – не старше,
А просто чуть-чуть мудрей!
Я жду вас всех лет через десять,
Ведь я не в конце пути...
Запомните день и месяц –
Попробуйте не прийти!

ГЛАВА ПЕРВАЯ ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

ИЗ ЦИКЛА «МОЗГИ НАБЕКРЕНЬ»

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

Человек потерял запятую, стал бояться сложных предложений, искал фразы попроще. За несложными фразами пришли несложные мысли.

Потом он потерял знак восклицательный и начал говорить тихо, ровно, с одной интонацией. Его уже ничто не радовало и не возмущало, он ко всему относился без эмоций.

Затем он потерял знак вопросительный и перестал задавать вопросы, никакие события не вызывали его любопытства, где бы они не происходили: в космосе, на земле или даже в своей квартире.

Ещё через пару лет он потерял двоечье и перестал объяснять свои поступки.

К концу жизни у него остались только кавычки. Он не высказывал ни одной собственной мысли, всё время кого-нибудь цитировал. Так он совсем разучился мыслить и дошел до точки. Берегите знаки препинания.

ПОДЗЕМНЫЙ ПЕРЕХОД

На нашей улице строили подземный переход. Всю улицу перерыли. Движение перекрыли. Троллейбус в сторону отвели.

Наконец, закончили и устроили торжественное открытие. Оркестр пригласили. Ленточку у входа натянули, троллейбус в сторону отвели.

И тут вдруг выяснилось, что выхода из-под земли нет, забыли сделать: очень торопились сдать объект досрочно.

Ну, комиссия, конечно, строителей пожурела, но не лишать же весь коллектив премии. Да и опять же – оркестр уже приглашён, ленточка натянута. Решили торжества не омрачать, переход принять, а отсутствующий выход внести в акт недоделок.

Оркестр грянул марш, ленточку перерезали, и народ хлынул вниз, в переход.

Правда, нашлись нытики, которые не хотели акт подписывать, мол, как же так: переход без выхода. Но председатель комиссии дал им достойную отповедь:

– Вы что, в инициативу наших людей не верите?.. Если понадобится – найдут выход!

Переход этот по сей день работает. Миллионы людей туда входят и, представьте себе, как-то выходят. Так что председатель комиссии оказался прав: надо верить в творческую инициативу!

ВТОРОЕ УБИЙСТВО

По коридору Университета взволнованно прохаживался смуглолицый курчавый паренёк. За дверью заседала приёмная комиссия филологического факультета.

Вот оттуда выскочил здоровенный узколобый детина. Курчавый бросился к нему:

– Ну, как?

– Нормально. Приняли. Ведь я – мастер спорта по штанге.

Вслед за детиной выпорхнула девушка в модных рваных джинсах.

– Прошли?

– А как же! Ведь мой папа спонсировал ремонт этого корпуса.

Наконец, настала очередь курчавого. С замиранием сердца он переступил порог аудитории.

– Имя?.. Фамилия?.. – не поднимая глаз, спросил председательствующий.

– Пушкин... Александр Сергеевич.

– Плохи ваши дела, молодой человек. Ваше сочинение «Евгений Онегин» очень старомодно: «... Но я другому отдана и буду век ему верна...». Ну, кто это сегодня будет читать?.. Да и сериала из него не сделаешь: всего одно убийство.

– Но... Мои литературные начинания понравились Державину... И Жуковский говорил...

– Они у нас уже давно уволены по сокращению штатов... Увы, молодой человек, на бюджетном отделении все места заняты. Хотите на платное?..

Паренёк замялся. Ему было очень неловко, стыдно, но он всё же выдавил из себя:

– Я сейчас нигде не служу... стеснён в средствах... Но мне обещали хорошо оплачиваемую работу... Камер-юнкером...

– Вот тогда и приходите. А пока, увы!.. – И председательствующий зачитал выписку из протокола. – «Пушкину, Александру Сергеевичу, в принятии на филологический факультет отказать. Председатель приёмной комиссии – Дантес».

Пушкин упал, как подстреленный.

СМЕЛОЕ НАЧИНАНИЕ

В одном учреждении ввели такое новшество: устраивать похороны живым сотрудникам.

Чтоб люди при жизни о себе доброе слово услышали. Причём, церемонию соблюдали полностью, от начала до конца. Оркестр приглашали, венки заказывали: «Дорогому», «Любимому», «Незабвенному». В газетах сообщения помещали, мол, и руководство, и весь коллектив выражают глубокую радость, что живёт и работает такой-то сотрудник. На похоронах прощальные речи говорили: «Выдающийся человек!», «Прекрасный семьянин!», «Любящий отец!»... Деньги семье выдавали, которые обычно на настоящие похороны берегут.

Ну, конечно, родители расчувствуются и плачут, дети радуются, жена гордится, а сам покойник счастлив, увенчан и живёт ещё много, много лет. В этом учреждении вообще смертность прекратилась, когда всех опанихидили.

Но однажды к ним на службу поступил новый сотрудник. Поступил, неделю поработал и умер. И хотя его мало знали, но похороны устроили от души, как живому: венки, оркестр, прощальные речи: «Дорогой! Любимый!.. Единственный!..». И что вы думаете? Не выдержал: встал, улыбнулся и вышел на работу – не смог с таким коллективом расстаться!

Так что, как выяснилось, доброе слово и покойникам приятно.

РОКИРОВКА

Купил я аквариум с рыбками, решил написать о них рассказ. Поставил на подоконнике у стола, сижу, обедаю, изучаю. День, два, неделю. А они жрут друг друга. Вот уже одна рыбка осталась, которая всех других слопала. Смотрит на меня сквозь стекло, глаза злые, голодные. Не мешало бы, конечно, корма ей подсыпать, да лень вставать, отяжелел я после обеда. Вода в аквариуме мутная, водоросли завелись, – мне менять некогда, я изучаю, – так она водоросли съела, и песок, и камушки. Живучая тварь, приспособилась. Из воды выскакивает, мух ловит. Лёгкие у нее появились. Кота моего в воду затянула, когда он хотел её лапой поддеть. Сожрала вместе со шкуркой. Здоровая стала, ей в аквариуме тесно. Выпрыгнула на пол, меня за шиворот и в воду, а сама на моё место, мой обед доедает. Я хотел закричать, возмутиться, а она – червячков в аквариум. Я попробовал, проглотил – ничего, вкусно.

Первая злость прошла, решил с ней по-хорошему поговорить, а изо рта только бульк-бульк, пузыри вылетают. Конечно, можно было бы из воды выпрыгнуть, да лень одолела, отяжелел я от червячков. Чувствую, жабры у меня прорезаются – дышать-то надо. Плаваю, руками помахиваю, а это уже не руки, а плавники. Хвост вырос, чтоб легче поворачиваться. Иногда вдруг ударит в мозг: «Что со мной? Выбираться надо!» Да ведь мозг-то у меня уже рыбий стал – не реагирует. Да и неохота воду баламутить: тихо, уютно, червячков дают. А тут детишки пошли, рыбёнки малые... Я этой бывшей рыбе кричу:

– Мне, бульк-бульк, теперь большой аквариум требуется!

А она сидит на моём месте, мой обед лопает и меня изучает. А потом ещё рассказ обо мне написала, вот этот...

ХРАНИТЕ СВОИ ГОДЫ

Он еще раз перечитал это письмо-признание в любви. Честно говоря, пойти хотелось. Ниночка ему нравилась. Даже очень. Но с другой стороны... Три месяца ухаживаний, в лучшем случае. Затем, две или три недели подготовки к свадьбе, хождение по родственникам, свадебное путешествие... Потом – девять месяцев ожидания ребенка, стояние под окнами больницы, бегание по врачам, устройство в ясли, в детский садик, в школу... Дальше считать не хотелось.

Конечно, на свидание он не пошёл. Но утром следующего дня положил на свой счёт в банке сэкономленные – по самым предварительным подсчетам – семь лет жизни.

В субботу он был приглашён в свою бывшую школу, на традиционный вечер встречи выпускников. Его очень тянуло повидать бывших одноклассников, похлопать их по плечам, расспросить о жите-бытье, похвастать своими успехами. Но он прикинул, во что это обойдется: час на сборы, двадцать минут на автобусе, речь директора; вызовы к доске, которые снова придумает старик-математик... Часа полтора танцы в зале... Потом Валька Чащин опять потащит всех к себе на дачу – это, считай, ночь по боку, сплошные «А помнишь?»... В воскресенье Валька, конечно, никого не отпустит:

купанье в озере, ловля рыбы, уха из консервов – словом, ещё один день коту под хвост...

Он не пошёл. Отправил приветственную телеграмму. Зато на счёт были положены сбережённые сутки и восемь часов.

В понедельник, в обеденный перерыв, позвонила мама:

– Почему ты не приходишь? Я очень волнуюсь.

– Еще ведь не конец месяца!

Когда-то он бывал у нее каждую субботу. Они пили чай с вареньем из облепихи, и он жаловался маме на своё начальство. Мама рассказывала ему о пользе витаминов и перед уходом вручала баночку облепихи, которой ему хватало до следующей субботы.

Теперь он эти посещения отменил – и ежемесячно стал класть на счёт освободившиеся вечера. За год набегало пятьдесят два вечера, а в високосный год – пятьдесят три!.. В конце месяца, каждого тридцатого, он заезжал к маме и, не отпуская такси, интересовался её самочувствием. Мама провожала его до машины и вручала теперь уже четыре баночки варенья, которых ему хватало до следующего заезда. Конечно, такой визит забирал не меньше часа, но в конце концов, у каждого человека есть свои привязанности: он уже не мог пить чай без облепихи.

Дома над тахтой у него висел плакат: «Экономьте время! Храните свои годы в Сбербанке!». Он перестал ездить в санатории, в круизы, перестал ходить в гости, на юбилеи, на похороны... Завёл копилку, в которую бросал каждую сохраненную секунду. Секунды складывались в минуты, минуты – в часы, а часы оседали на банковском счету и превращались в дни, недели, месяцы...

– Зачем ты экономишь? Почему сейчас не живёшь? – спрашивали друзья.

– Ещё не имею права. Вот встану на ноги, будет имя, квартира, деньги – и тогда я все эти годы – ох как отгуляю!

И вот настал день, когда он сказал себе: всё!

Было звание, положение, благополучие. А на счету – накопленные десять лет, восемь месяцев и шесть с половиной дней. Все это огромное состояние теперь хотелось по-купечески растратить.

Он вышел на улицу, впервые за много лет просто так, без дела. Его ослепило летним солнцем, обрызгало теплым птичьим пением, ошеломило буйством цветущих каштанов. А навстречу шла Нина Петровна, та самая Ниночка, которая до сих пор почему-то не вышла замуж. Ниночка все еще была хороша, и у него сладко заняло сердце. Он молил лишь об одном:

только бы не прошла мимо! Десять минут постоять, поговорить!.. Ниночка улыбалась ему так же радостно и доверчиво, как когда-то. Он улыбнулся ей в ответ и хотел шагнуть навстречу, но вдруг почувствовал, что какая-то сила повернула его в другую сторону и повлекла, повлекла назад к знакомому отделению банка, где он тут же положил на счёт только что сэкономленные десять минут, приплюсвав их к сэкономленным ранее десяти годам, восьми месяцам и шести с половиной дням...

ЭТО МОЯ МОНЕТА

День был жаркий и я прямо с работы купаться пошёл. Раздеваться стал, и тут у меня из кармана монета выпала, десять копеек, и в песок зарылась. Разгрёб я песок, чтоб монету найти, а её не видно. Не пропадать же – сбегал домой, взял лопату и стал копать. Копаю, копаю, смотрю – песок кончился. А под ним земля, жирная, как масло. Взял щепотку, растёр пальцами – да это же чернозём! И пласт солидный, метра полтора. Вот так находка! У нас никто и не подозревает. Это ж какие урожаи можно собирать – все соседи ахнут, тысячи рублей чистой прибыли! Надо поскорей людей обрадовать!..

А потом вспомнил про свои десять копеек и подумал: э, нет! Придёт трактор, всю землю перепашет, тогда мне своей монеты вовек не сыскать.

Собрал я чернозём, бросил его в воду, чтоб не нашли, и дальше рою. Вдруг лопата обо что-то звякнула. Снял я слой земли, смотрю: крыша. Рядом другая, третья. Стал дальше рыть – дома появились, дворцы, улицы... Дома из мрамора, тротуары мозаикой выложены, а вдоль улиц фигуры стоят, мужики и бабы, в чем мать родила. Понял я, что до древнего города докопался, неизвестную цивилизацию открыл! Вот будет радости в учёном мире! Понаедут со всех стран академики, напишут трудов – как наука обогатиться! И не только наука! Сюда еще туристов пускать будем, по древним тротуарам водить, древние фигуры показывать. И жить им есть где: древние дома под гостиницы переделаем. Это ж деньги рекой потекут, сотни тысяч долларов!..

С этими мыслями я бронзовые фигуры опрокидываю, пергаментные книги разбрасываю, серебряные кувшины переворачиваю – нигде своих десяти копеек найти не могу. А если еще учёные понапрутся, туристы туда-сюда шастать начнут – тогда мне своей монеты вовек не сыскать!

Подумал я так и давай быстро-быстро древний город забрасывать. Забросал, затоптал, песочком присыпал, чтоб следов не осталось, и дальше рою. Вдруг прямо из-под лопаты фонтан забил. Батюшки – нефть! И так сильно бьёт, будто трубу прорвало. Вот так удача! Вот так открытие! Её ищут, а она тут, под ногами! Это ж миллионы долларов для страны! Надо скорей в газеты сообщить. А потом думаю, ну да! Понаставят здесь вышек, вокруг них новый город вырастет. Железную дорогу подведут, аэродром построят – тогда мне своей монеты никогда не найти!

Заткнул я фонтан, а сверху еще камешками присыпал, и домой пошёл, отдыхать, сил набираться.

Завтра на работу не пойду, достану экскаватор, всю землю перерою, но свои десять копеек непременно добуду!

ПРОДЕЛКИ ВОЛШЕБНИКА

Непонятные события стали происходить в нашем городе. Чёрно-бурая лиса, гордость жены директора рыбозавода, на новогоднем банкете в ресторане, соскользнула у неё с плеч, юркнула между столиками к выходу и удрала. Когда директор, его жена и очевидцы рассказывали об этом, все в ответ смеялись и говорили: пить надо меньше. Никто ведь ещё не знал,

что это штучки волшебника, который меха оживляет. Всё только потом стало известно, а сначала просто паника возникла. Да и как не паниковать, когда на совещании предпринимателей все сорок ондатровых шапок спрыгнули у них с голов, покатались к выходу, перебежали набережную и нырнули в прорубь. А предприниматели, чтобы добраться до гостиницы, необутые головы шарфиками повязали. Потом в театре из гардероба исчезли все шубы – представляете, что поднялось!.. Сперва решили, что какая-то шайка орудует. Но когда вслед за шубами сквозь фойе, расталкивая зрителей, рвануло стадо дублёнок, все просто ужаснулись. А чудеса продолжались. Оленьи меха соскакивали со стен и, потрясая рогами, прыгали с лестничной площадки на площадку... Медвежьи шкуры выдергивались из-под ног и с радостным рёвом неслись вниз по ступенькам. Даже крокодиловая сумка заведующей парикмахерской вырвалась у неё из рук, поползла до озера и заплакала от радости большими крокодиловыми слезами...

И город, доложу я вам, изменился. Если раньше на улицах можно было встретить одну-двух бездомных дворняг, которых будка не успела подобрать, то теперь... По деревьям прыгали белки и куницы. По тротуарам проплывали косули, бегали козы, прыгали кенгуру. В парках гуляли олени, сновали зайцы, лисы, кролики... Медведь пил воду из фонтана... А по аллеям несло интернациональное стадо баранов, бывшие дублёнки: канадские, болгарские, югославские и наши отечественные... В озере плавали нутрии, выдры, ондатры... Семейство бобров строило себе домик.

Дети были счастливы. Они кормили белок, играли с медведем, катались на оленях, прыгали с кенгуру... Ведь животные, пока они были шубами и воротниками, привыкли к людям и их не боялись. Как заявили потом пятиклассники из двенадцатой средней школы корреспонденту нашей «Вечёрки», это были самые счастливые каникулы в их жизни.

Ну, дети веселились, а взрослые, естественно, принимали необходимые меры, милиция этим делом занималась, и в последний день каникул виновника отыскали, точнее, он сам объявился и признался во всём.

– Зачем хулиганите? – спросили у него.

– Вы же, – отвечает, – всю фауну распугали, отравили и перестреляли. Вашим детям лисица даже приснится не может, потому что они её никогда не видели... Скоро кошка станет музейной редкостью... Вы уже третий выпрезвитель в городе строите, с фонтаном и сауной, а на самый маленький зверинец средств не найдете, я уже не говорю о заповеднике!.. Вот я и решил детишек побаловать, ради Нового года... Хотите, оставлю всё, как есть, жить веселей будет?

Ну, конечно, на это никто не согласился. Первыми запротестовали наши модницы: как же это мы без мехов обойдёмся?.. Их поддержала фабрика, которая шубы и шапки шьёт, им же без плана оставаться. Руководящие работники зароптали: раньше их по пыжиковым шапкам узнавали, а теперь чем же они будут отличаться от своих подчинённых?.. Да и отцы города не одобрили: благосостояние народа растёт, каждый может богатую одежду приобретать, зачем же себе в потребностях отказывать, пусть иностранцы видят!.. Только мы, общество охотников, не возражали, если только нам круглогодичные лицензии на отстрел выдадут.

Огорчился волшебник, нахмурился.

– Эх, вы! – крикнул, махнул рукой, дунул, плюнул и исчез. И сказка сразу закончилась: лиса опять к пальто жены директора рыбозавода прицепилась, ондатры в шапки свернулись и на головы предпринимателей прыгнули, бобры свой домик не достроили и обратно в воротники превратились, медведи по полу распластались, олени на стенах повисли... А крокодил выполз из воды, снова заплакал и свернулся в сумку.

Надели мы все шубы, дублёнки, кожанки, гуляем по улицам, чинно, солидно, благородно, нафталином пахиваем... А на улицах опять тишь да благодать – ни одной зверюги: на деревьях никто не скачет, по аллеям никто не шастает, из фонтана никто воду не лакает.

Только детишки малость затосковали, все в парк бегали: может какая животина осталась... Тосковали, грустили, а потом ничего, успокоились. Привыкли к пустому парку, к пустым улицам. Даже стали будочникам помогать последних собак отлавливать... Дети – они есть дети, их ко всему приучить можно. Мы ведь тоже, когда мальцами были, зверюшек ласкали. А потом наши папы-мамы нас отвадили, научили их ловить, стрелять, шкурки сдёргивать... Так что ничего: и наши детки привыкнут!..

СПЛЕТНИ

Дом был новый. Не дом, а красавец: высокий, чистый, облицованный белой плиткой. С балконами.

И жильцы в него вселились приветливые и весёлые. Пока дом строили, они по субботам и воскресеньям приходили на стройку, помогали строителям и очень подружились. Новоселье справляли все вместе, ходили по квартирам, поздравляли друг друга. Словом, не дом, а одна семья.

И вдруг по парадному поползли сплетни.

Сперва их было всего две. Когда жильцы втаскивали вещи, сплетни проскользнули между мебелью, юркнули в подвал и притаились. Потом они выползли в парадное и поселились за батареей. Здесь они стали размножаться. Каждая порождала еще несколько. Сплетен становилось всё больше и больше. Сперва они выползали только ночью, шуршали по углам и закоулкам. Потом обнаглели, стали выползать и днём, расползлись по всем этажам и квартирам. Они проникали через щели, через вентиляционные ходы, через замочные скважины. Жить стало невозможно. Куда ни пойдёшь, всюду натыкаешься на сплетни: в подъезде, в лифте, даже в собственной спальне. Соседи перестали разговаривать друг с другом, мужья поссорились с женами, дети – с родителями.

Наконец, жильцы собрали общее собрание и стали совещаться: что делать? Пригласили опытного старичка из санэпидстанции. Старичок осмотрел дом, выслушал всех и изрёк:

– Уже ничем помочь нельзя. Дом насквозь заражён сплетнями. Его надо сносить.

– А нам что делать? – спросили жильцы.

– Строить новый дом.

Погоревали люди, да делать нечего. Собрали деньги, организовали кооператив, снова работали по субботам и воскресеньям – помогали строителям. И построили новый дом. Не дом, а красавец, краше прежнего: ещё выше, ещё белее. С лоджиями.

Вселялись дружно, весело, с песнями и шутками. Завезли мебель, втащили чемоданы.

И тут в парадное вползли две сплетни...

ВСЕХ НА ПРОКАТ

Вот классные времена настали: девушки по сопровождению, стриптизёры на дом!.. А недавно придумал кто-то: открыть в каждом районе пункт по прокату родственников. Бери кого хочешь: жену, мужа, папу, маму, брата... Как телевизор или машину! Это же очень выгодно – за их качество отвечают прокатчики, даже запчасти бесплатно меняют. И ещё есть такая услуга: заплатишь всю стоимость – оставляют тебе насовсем.

И организовано всё по высшему классу: приходишь, к примеру, за женой, смотришь образцы, год выпуска, технические данные... Выбираешь подходящую модель, получаешь инструкцию пользования, делаешь первый взнос и тебе её доставляют прямо на дом. Первый месяц техник каждый день навещает, подкручивает, настраивает, регулирует напряжение, показывает, как пользоваться. Если испортилась, забирают, привозят новую. Умные люди за месяц до окончания срока специально находят недостатки, пишут жалобы и требуют новый

экземпляр. Я знаю одного, который так уже четверых жён поменял, без доплаты. У каждой потом от него ребёнок родился, но алименты платят прокатчики, потому что это – издержки производства.

Честно говоря, я тоже хочу жену поменять. Взял новенькую, широкоформатную, безотказную, по десять часов работала, не выключалась... А сейчас то одна деталь летит, то другая... Контакт нарушился, заводится медленно... Была цветная – стала чёрно-белая... Говорит, неправильно ты меня эксплуатируешь. Ерунда! Просто модель устарела! Двигатель барахлит, бачок протекает... Эх, достать бы новую, последнего выпуска, в импортной упаковке!..

Сию я так в гостинной, мечтаю – вдруг жена входит и с ней два грузчика.

– Это за тобой, – говорит. – Я тебя меняю. Всё хрипишь, кашляешь, дёргаешься, а пользы от тебя уже никакой. Я себе нового присмотрела: и звук хороший, и нагревается быстро, и все приборы работают нормально.

И понесли меня в утильсырьё.

КАЧАЙ ЕГО!

Возникла у меня одна интересная идея. Пришел на работу, вышел на трибуну и говорю: – Братцы! Честное слово, придумал!

Все обрадовались, закричали: «Качай его!»

И начали качать.

Сначала я просил, чтоб перестали, не нравилось это мне. Затем взлетал молча, всем видом показывая, что недоволен. А потом ничего, привык. Квартирку мне подбросили, денег подкинули – стал качаться с удовольствием.

Те, кто меня качали, постепенно менялись: заканчивали колледжи, академии, университеты, организовывали свои фирмы, уходили на пенсии. На их место приходили новые, подхватывали, качали дальше.

Прошли годы. Стало мне скучно одному. Решил жениться. Вижу рядом какую-то особу женского пола качают. Лица не рассмотрел, да и не в лице счастье. Главное – до моего уровня долетает. Я ей на лету предложение сделал, она, пролетая, ответила согласием.

Тут же, на должной высоте, и сын родился. Качаемся втроём. Сын иногда на Землю спускается, в школу ходит. Он нам новости приносит о друзьях, родителях, сослуживцах: кто умер, кто женился, кто новую квартиру купил. А мне это уже не интересно: отвык я от Земли, оторвался.

Как-то сын спрашивает:

– Папа, а за что нас качают, за какие заслуги?

А я уже и сам не знаю. Знаю, что когда-то что-то придумал, а что – хоть убей, не помню.

И вдруг – полный крах.

То ли мои мысли подслушали, то ли команда какая была – только однажды, в очередной раз, подкинули меня вверх, а поймать не поймали. Рухнул я с высоты на старое рабочее место. Сию весь в синяках среди обломков прежнего быта. Вокруг все каким-то делом заняты, а я ничего не умею, все позабыл. Решил поскорей снова что-нибудь придумать, чтоб опять качать начали. Напряг мозги, так, что череп затрещал – ни одна мысль в голову не лезет. Понял я, что не бывать мне больше на высоте. Что же теперь делать, чем заниматься? Ведь ни работать я уже не могу, ни думать не умею. И вдруг осенило: раз самого уже не качают – пойду других качать. А что? Как-никак тоже работа!

ЛЕТУЧИЙ КОТ

Кот охотился на мышей, всех их переловил и стал охотиться на летучих мышей. Для этого ему пришлось научиться летать – так он стал летучим котом.

Увы, наши взлёты часто зависят от питания!

ГЛАВА ВТОРАЯ РАССКАЗЫ-КОРОТЫШКИ

ОН И ОНА

Он был юн и безрассуден. Она – молода и прекрасна. В нём кипела кровь. Она мечтала о принце. Он увидел её. Она увидела его.

И пришла любовь.

Целый год они были счастливы. Вместе ели, вместе спали, вместе по утрам плавали в реке. Они не верили в Бога, но тайком молили его продлить это счастье до конца их жизни.

Но однажды он обидел её. Она в ответ обидела его. Он хлопнул дверью. Она, вслед ему, разбила об эту дверь тарелку.

И пришла ненависть.

Она написала жалобу в его дирекцию. Он оскорбил её прилюдно. Она вывезла из квартиры свои вещи. Он повесил объявление о продаже квартиры. Она назло ему вышла замуж. Он назло ей женился.

Они вили новые гнёзда, растили детей, устраивали семейные вечеринки, ездили за границу, имели любовников и любовниц, благоустраивали свои дачи, оздоравливали там внуков...

И пришла старость.

Она страдала от ревматизма. Он сдавал анализы. Она возмущалась маленькой пенсией. Он писал жалобы на соседей. Она осуждала молодое поколение. Он протестовал против рока... И только во время мучительных бессонниц, оба вспоминали то единственное, что явилось оправданием их прихода на эту Землю – вспоминали свою Любовь. И вспыхивал румянец на увядших щеках, и синхронно стучали их сердца, и тянулись руки друг к другу... но все это уже в разных постелях, в разных городах, в разных жизнях.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

...Баю-баюшки-баю
Не ложися на краю...
Баю-баю, баю-бай,
Поскорее засыпай...

Спи, моя маленькая девочка!.. Пусть тебе приснится твой старый плюшевый зайчик, которому ты подрисовала усы, и он стал похож на грузина... Пусть весёлый разноцветный попугай влетит из твоего детства в твой сон и обляпает тебя своей радугой. Пусть сердитый серый волк примчится к тебе утром и унесёт тебя к себе. И папа будет счастлив.

– Счастлив?

– Да. Потому что когда ты миришься с мужем, папа очень радуется. Но и немножко радуется, когда ты с ним ссоришься.

– Почему?

– Потому что тогда ты идёшь не к подругам, не к маме в её новую семью, а прибегаешь в нашу старую, запущенную квартиру, ложишься на свою маленькую тахтушку и слушаешь песенку, которую я пел тебе в твоём детстве:

Баю-баю, баю-бай,
Поскорее засыпай...
Придет серенький волчок
И ухватит за бочок...

– Папа, а он точно придёт?

– Конечно. Это только женщины уходят, а мужчины возвращаются. Придёт твой волк и заберёт тебя. И я опять буду молить бога, чтобы у вас не было ссор, и тайком надеяться на одну, не серьёзную, самую маленькую, потому что тогда ты снова прибежишь к папе, и я спою тебе твою любимую песенку:

Баю-баю, баю-бай,
Поскорее засыпай!..

Спи, моя взрослая маленькая девочка. Спи!..

ПЛОТЬ ОТ ПЛОТИ

Наконец, я выкроил минутку и забежал к маме. Посыпались обычные упреки.

– Я не требую, чтобы ты заходил, коль тебе некогда. Но позвонить хоть раз в неделю ты всё-таки можешь?!

Я взорвался:

– Ты думаешь, к тебе легко дозвониться?.. Твой домашний телефон всегда занят. Вот смотри!

Я снял трубку и набрал номер её телефона. В трубке раздались отрывистые гудки.

– Убедилась?.. И на работе тебя никогда нельзя застать. Не веришь? Пожалуйста!

Я набрал номер маминого рабочего телефона и попросил позвать её. Мне ответили, что её нет.

Я смотрел на маму с торжествующим видом. Она сидела подавленная и растерянная. – Ладно, не звони. Заходи, когда сможешь.

Я вернулся домой часов в семь. Дочери ещё не было.

Когда она пришла, я сердито сказал ей:

– После школы полагается идти домой. А если ты до вечера сидишь у подруг, то хоть позвони – ведь я волнуюсь.

Дочь широко раскрыла свои огромные глаза.

– Что ты папа! Я вовсе не сижу у подруг. Можешь проверить.

Она набрала номер своей одноклассницы и попросила позвать себя. Ей ответили, что её нет. Она позвонила второй подруге, затем третьей...

Её у них не было.

Я смотрел на свою дочь и думал: мое дитя, плоть от плоти.

Почему-то стало грустно.

ПОТЕРЯЛ УВАЖЕНИЕ

Разговор шёл нелицеприятный, прямой, откровенный. Так умеют говорить только настоящие мужчины, спаянные общим делом.

Ему честно высказали всё, что о нём думают: что он уваливает от дела, подводит товарищей, спихивает свои обязанности на других.

Он пытался оправдываться, лепетал что-то про семью, про детей, про слабое здоровье.

Ему резонно отвечали, что у всех семьи, у всех дети, и все не геркулесы – но никто, кроме него, не дезертирует.

Он обещал потом, в другой раз выполнить свою норму, но видел в ответ презрительные улыбки. Здесь не верили пустым обещаниям, здесь человека оценивали не по словам, а поступкам. Это был сплочённый, крепкий коллектив, потерять уважение которого было самым страшным. А он потерял. Его не уважали. Ему об этом прямо заявили, все подряд.

Он понял, что надо срочно что-то предпринять, чтобы вернуть уважение товарищей.

Он взял себя в руки.

Он собрал последние силы.

Он выпил.

Его опять зауважали.

НЕОКОНЧЕННАЯ ЭПИСТОЛЯРНАЯ ПОВЕСТЬ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

В редакцию газеты «Доброе утро»:

«Уважаемый господин редактор!

Прошу через вашу газету передать мою сердечную благодарность всем организациям, товарищам и друзьям, поздравившим меня с пятидесятилетием.

М. Ткачук.»

ПИСЬМО ВТОРОЕ

В редакцию газеты «Доброе утро»:

«Уважаемый господин редактор!

Прошу выплатить мне гонорар за опубликованную в вашей газете сердечную благодарность всем организациям, товарищам и друзьям, поздравившим меня с пятидесятилетием.

М. Ткачук.»

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

В редакцию журнала «Человек и закон»:

«Уважаемый господин редактор!

Прошу через ваш журнал передать мою сердечную благодарность всем организациям, товарищам и друзьям, поздравившим меня с благополучным окончанием судебного процесса над редакцией газеты «Доброе утро», отказавшейся выплатить мне гонорар за опубликованную в их газете сердечную благодарность всем организациям, товарищам и друзьям, поздравившим меня с пятидесятилетием.

М. Ткачук.»

ПИСЬМО ЧЕТВЁРТОЕ

В редакцию журнала человек «Человек и закон»:

«Уважаемый господин редактор!

Прошу выплатить мне гонорар за опубликованную в вашем журнале сердечную благодарность всем организациям, товарищам и друзьям, поздравившим меня с благополучным окончанием судебного процесса над редакцией газеты «Доброе утро», отказавшейся выплатить мне гонорар за опубликованную в их газете сердечную благодарность всем организациям, товарищам и друзьям, поздравившим меня с пятидесятилетием.

М. Ткачук.»

(Продолжение следует)

НАСТОЛЬНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

В конце каждого года я меняю настольный календарь, вставляю новый. А старый, испитый вдоль и поперёк, выбрасываю в корзину. Но не сразу. Сперва перелистываю его, вспоминаю дела и заботы минувшего года.

Н-да... Много замыслов – мало свершений. С первых же чисел января повторяется запись: «В понедельник сесть за диссертацию». И каждый раз откладываю до следующего понедельника... Много юбилеев, банкетов, дней рождений – три-четыре в неделю. А вот «Зайти к маме» – не так уж часто, раз в месяц, не больше. Нехорошо!.. А записывать маму в календарь – хорошо?..

О, сколько женских имен... Часы свиданий... Одно имя не повторяется более двух-трёх раз. А что это в скобках?.. «Поля – касс», «Таня – инж.»?.. Вспомнил: «Поля – кассирша», «Таня – инженер». Чтобы не перепутать... Часто заказываю такси, почти каждый день. Скоро совсем разучусь ходить. Не случайно – названия лекарств, телефоны врачей... Записи, которых раньше никогда не было в моих календарях: «Аптека», «Поликлиника», «Медсестра». Двигаться надо больше, двигаться!.. О, наконец: «Пойти в бассейн». И снова перенесено на понедельник... Опять: «Сесть за английский». Это уже в апреле. Там же: «Позаниматься спортом». А вот зачастила фамилия Градов. «Выступить против Градова», «Выдать Градову», «Раздолбать Градова»... Что-то раньше я не был таким кровожадным. А ведь когда-то мы с ним даже дружили.

С мая ворвалась запись «Автоинспекция». Это я машину купил. Теперь часто повторяются: гараж, тест, страховка... И слов таких раньше не знал!.. Как много заседаний, обсуждений, просмотров. Вот где время гробится!.. «Пойти с Машей в театр на детский спектакль». Это любимая племянница. Так и не пошёл. «Договориться с преподавателем английского». Это уже опять в октябре.

А может, взять и круто всё повернуть?! Продать машину, не ходить на вечеринки и совещания, по вечерам у мамы пить чай со сладким клубничным вареньем, встретить девушку, одну, единственную, жениться, вместе ходить в бассейн, помириться с Градовым, заняться спортом, сесть за диссертацию...

Обязательно. Немедленно! Не откладывая!!! С понедельника.

ПРИДЁТ ИЛИ НЕ ПРИДЁТ?

У Филимонова явно испортился характер, он стал раздражительным, грубым, скандальным. Все считали, что дело в возрасте, в гипертонии, в больной печени... Но причина была в другом: он стал чаще думать о смерти. Причём, его не так тревожила сама смерть, как мысль о том, что провожать его будет мало людей. А ему так хотелось шумных, торжественных похорон. Он всё время об этом думал, стал хмурый, раздражительный. Впиваясь взглядом в каждого сотрудника, прикидывал: а этот придёт или не придёт проводить в последний путь?

Однажды ему приснился странный сон: он видел свои похороны и как бы со стороны наблюдал и комментировал:

«Котенко, конечно, не пришёл – как же, ведь он теперь шишка: заведдела. Станет он из-за простого референта тратиться на цветы – скупердяй страшный, когда умрёт, велит себя голым похоронить, чтоб одежду сэкономить... А вот Лидия Михайловна пришла. Секретарша,

малооплачиваемая, стерва, зануда, а пришла, принесла самый большой венок... А Митька, сука, тоже не явился, в последний путь проводить не пришёл, гад, а я ещё его в нашу фирму устроил! Какой лицемер! При жизни «Сю-сю-сю, ля-ля-ля... Пойдём выпьем, я угощаю»... Ты не угощай, ты прояви уважение ко мне, когда меня нет, чтоб я в гробу тебя видел, вернее, из гроба, поддонок!.. Обидно, что не могу ему уже всё высказать... Почему не могу? Это сейчас во сне не могу, а проснусь, и всё скажу! И лестницу которую я ему на дачу одолжил, заберу, пусть на своей, распатанной, шею сломаёт!..»

После этого сна Филимонов пришёл в офис и, к великому удивлению секретарши, вручил ей цветы.

– Простите, букетик маленький, увы, сейчас денег нет... Но на венок вам насобираю, слово чести... Не меньше, чем ваш будет...

Потом оскорбил Митьку, нахамил Котенко, поругался со всеми, высказал им всё, что о них думает, расстроился и умер. За последние месяцы он всех просто извёл, поэтому ему быстро организовали похороны, заказали огромный венок и провожали всем отделом, чтоб убедиться, что теперь точно будет тихо.

А он лежал и радовался: все пришли!

КРУГОВОРОТ

В моей квартире завелась моль. Она летала стаями по комнатам и поедала всё меховое и шерстяное. Я просто извёлся: и порошком сыпал, и химикаты разбрызгивал – ничего не помогало. Тогда друзья посоветовали мне завести жаб, мол, поедят не только саму моль, но и её личинки. Я послушался и завёл. Действительно, моль исчезла, но жабы развелись в таком количестве, что жить в квартире стало невозможно.

– Нужны цапли, – подсказали мне друзья.

Я завёл цапель. Через несколько дней последняя жаба в ужасе выпрыгнула с восьмого этажа. Но теперь я не мог избавиться от новых квартирантов: цапли оказались очень привязчивыми созданиями. Они заполонили ванну и весь день плескались в воде. Я выгонял их за дверь – они влетали в окна. Я закрывал окна – они толпились на балконе и барабанили клювами в стекло.

– Заведи ружьё, – посоветовал мне знакомый охотник, – их легко отогнать выстрелами.

Я купил двустволку, каждые полчаса выставлял дула в форточку и бабахал из обоих стволов. После каждого выстрела цапли, действительно, взмывали в небо, но соседи стали жаловаться, что я не даю им спокойно жить. Чтобы уменьшить звукопроводимость, я купил ковры и развесил их на всех стенах. От такого количества ковров сразу появилась моль.

– Заведи жаб, – посоветовали мне друзья.

СКВОЗЬ СТЕНКУ

Мы недавно квартиру получили. Маленькая, но светлая: к нам солнце сквозь дырки в крыше проникает, загораем, не выходя из дому. Но не думайте, что у нас жарко. Нет! Квартирка прохладная, ветер сквозь стенки продувает, кондиционер не нужен. А то, что в полу дырки имеются, так это даже хорошо: мы через них по утрам перепрыгиваем, вместо зарядки.

Очень мы этой квартирке рады, покидать не хочется. Поэтому решили встречать Новый год дома, всей семьёй у телевизора. Но не повезло: только началась новогодняя передача, исчез звук. Дочь пульт проверяет, сын по телевизору ладонью похлопывает – ничего не помогает: на экране Киркоров рот открывает, а звука нет. Жена чуть не в слёзы, а я спокоен.

– Ничего страшного, – говорю, – это он Орбакайте изображает, – и соседу в стенку стучу. – Лёва, – прошу, – сделай у себя звук погромче.

Через секунду все радостно заулыбались – мы у себя Киркорова видим, а из-за стенки его голос звучит.

– Спасибо, – говорю, – Лёва, хорошего тебе Нового года!

– Хорошего мало, – отвечает сосед, – потому как в моём телевизоре экран погас.

– Выходит, у меня телевизор оглох, а у тебя ослеп, – смеюсь я. – Ничего! Услуга за услугу. Я у себя смотрю, а у тебя слушаю. А ты – у себя слушай, а что происходит на экране, я тебе буду сообщать. Значит, так: Киркоров закончил, появился Галкин, выводит Пугачеву... Киркоров не доволен, руками машет...

– погоди надрываться, – останавливает меня Лёва, – я и так ваш телевизор вижу сквозь стенку, только смутно, что-то мешает.

– Наверное, ковёр, – догадался я. – Недавно купили, плотный, сантиметра четыре толщиной, ручной работы...

– Зачем вам такой толстый?

– Вы поздно ложитесь, а мы рано. От вас сквозь стенку свет бьёт, а жена не может спать при свете.

Сняли мы ковёр и повернули телевизор экраном к стенке.

– А теперь как?

– Лучше. Только обидно, что цвет искажает: изображение – чёрно-белое.

– Наверное, стена даёт оптический эффект – её лет десять не белили.

– Простите, что мы к вам спинами сидим, – извинилась жена.

– Ничего, ничего! Только экран не заслоняйте.

Вот так мы все вместе и передачей насладились и Новый год встретили.

А на завтра решили послать благодарность строительной фирме, которая строила эти квартиры. Я написал, а Лёва подпись подмахнул. Сквозь стенку.

ХОЧЕТСЯ!

Сигаретки не найдётся? Очень хочется закурить.

Спасибо, но лучше сигару. А теперь выпить хочется. Ещё выпить. Девочку хочется. Не эту – покрасивей, а лучше двух, на выбор. Комнатёнку бы какую-нибудь. Ну, да, однокомнатную, но с двумя ваннами. Нет? Тогда можно домик. Коттедж на берегу чего-нибудь. А ездить как? Машину хочется, любую, хоть самую маленькую, «Юниор» или даже «Мерседес». А лучше две, со своим шофёром. Денег хочется. Ещё дом. Ещё машину... Ещё сколько? Три года осталось? На свободу хочется. Ой, как хорошо: ветерок, солнце, море. Очень хочется закурить. Сигаретки не найдётся?..

СЕАНС ГИПНОЗА

Когда я прилетел в Сочи, Костя еще в аэропорту спросил:

– Тебе Филановский ничего не рассказывал?..

– Нет, а что?

– Как его гипнотизёр приделал?

Оказалось, что неделю назад здесь выступал доктор психологии. Костя, Гриша Филановский и вся компания поехали на его лекцию. Когда доктор пригласил на сцену желающих подвергнуться гипнозу – первым выскочил Филановский. И тут началось!

– Он Гришке говорит: «Вы великий композитор. Вы – Моцарт. Перед вами рояль. Играйте!»... И что ты думаешь? Гришка закатил глаза и давай стучать пальцами по столу, как по клавишам. И головой машет, и всем телом раскачивается... Зал умирает, мы все от хохота со стульев сползали... А он наяривает по столу, симфонию сочиняет. А самому, – ты ведь

знаешь, – что саксофон, что телефон – одинаково, совсем без слуха, все песни поёт на мотив «Дубинушки».

Всю дорогу до гостиницы мы с Костей хохотали, обсуждая этот забавный случай. Когда вошли в комнату, включили радио.

По радио звучала симфония Филановского.

РЕПОРТАЖ С ВЕЧЕРИНКИ

– Я заболею, если съем ещё кусочек!..

Съел. И заболел.

– Я лопну, если выпью ещё один фужер!..

Выпил. И лопнул.

– Я отравлюсь, если запью всё это пивом!..

Запил. И отравился.

– Я умру, если сделаю ещё один глоток!.

Сделал. И умер.

Вечеринка удалась!

ЖИЗНЬ В ГЛАГОЛАХ

Появилась, огляделась, удивилась, обрадовалась... Подросла, отучилась, отгулялась, отпрыгалась, отсмеялась...

Отцеловалась, отлюбила, отгрустила, отплакалась, отрыдалась...

Отболела, отстонала, отахала...

Всё поняла, раскаялась, переосмыслила, решила начать сначала...

Не успела.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ГРУСТНОГЛАЗЫЕ ИСТОРИИ

«НА ЗОЛОТОМ КРЫЛЬЦЕ СИДЕЛИ...»

Все любят вспоминать своё детство. А я наоборот: стараюсь его забыть. Только одна считалочка из памяти не идёт:

«На золотом крыльце сидели
Царь, царевич, король, королевич,
Сапожник, портной...
Кто ты такой?»...

Я всегда выбирала королевича, но мама учила, что надо выбирать сапожника, потому что в наше время сапожники живут лучше, чем короли.

За меня всё всегда решали родители.

Когда мне исполнилось пять лет, они захотели учить меня играть на дедушкиной скрипке.

– У ребёнка абсолютное отсутствие слуха, – определила учительница музыки, когда я ей prognosавила «В лесу родилась ёлочка».

– Это ничего, – успокоила её мама. – Я вам хорошо заплачу, научите её слуху.

Видно, учительнице очень нужны были деньги – меня стали по вечерам к ней водить. До сих пор с ужасом вспоминаю эти уроки: я рыдала, скрипка визжала, а учительница лежала. Однажды усилием воли она поднялась, перевязала голову полотенцем и взмолилась:

– Я вам хорошо заплачу, только заберите ребёнка – у меня начинается менингит.

На этом музыка закончилась, но начались уроки иностранного языка, причём японского, чтобы всех друзей переплюнуть. Нашли какого-то самурая из Одессы, который носил кимоно и гнал самогон из риса. Он потребовал такую плату, что мама в ужасе переспросила по-японски:

– Сикоко, сикоко?..

Пятиклассницей я пошла с подружками на ипподром. Меня посадили на длиннохвостого красавца. Замирая от страха и восторга, я проехала на нём по зелёному полю и на всю жизнь заболела лошаадьми. По ночам мне снилось, что я летаю над городом на огненном скакуне. Я умоляла маму записать меня в конноспортивную школу, но и она, и папа, и дедушка, и бабушка хором запричитали:

– Упадёшь! Убьёшься! Сломаешь шею!..

– Даже если ты и выживешь, у тебя будут кривые ноги, – припугнул папа.

– А вот и нет! Все наездницы стройные!

– Это их гримируют. А на самом деле у них ноги, как два коромысла.

И папа процитировал мне куплет из старинной песни, в которой молодой казак приветствует свою невесту:

«Я возвернуся с дороги
И расседлаю коня...
«Здравствуй, моя кривоногая,
Ещё кривоногей, чем я.»

Спустя годы я узнала, что песню сочинил сам папа, в соавторстве с бабушкой. Но тогда этот куплет произвел на меня впечатление, и я перестала пробиваться на ипподром. Но ещё много лет меня нельзя было оторвать от телевизора, когда показывали конные соревнования.

Однажды, уже учась в институте, куда я поступила по настоянию папы и мамы, я случайно попала на какой-то эстрадный концерт. После музыкального вступления на сцену вышел молодой конферансье, и у меня запрыгало сердце: именно таким я представляла себе королевича из моей детской считалочки... Я сидела в первом ряду, он увидел меня и чуть не проглотил микрофон. Больше он уже ни на кого не смотрел, все свои шутки адресовал только мне. Но я не смеялась. Я сидела оглушённая и счастливая и только завидовала стойке микрофона, потому что он держал её за талию.

В антракте я выскочила на улицу, добежала до цветочного киоска, отдала все свои деньги за букет гвоздик и вернулась, когда все артисты пели прощальную песенку. Он тоже пел, но лицо у него было несчастное. Когда я протянула ему цветы, он схватил меня за руки и уже не отпустил до закрытия занавеса.

Мы провели вместе этот вечер и все другие вечера после его концертов. Мы сидели на скамейке и целовались, а я смеялась, сама не знаю почему. Он объяснил, что это до меня только сейчас дошли его шутки.

Когда я сообщила обо всём родителям, произошло что-то вроде ташкентского землетрясения. Папа затопал ногами и закричал:

– Кто?.. Конферансье?.. Пока я жив, оно к нам в дом не войдёт!

Мама пыталась сохранить дружеский тон:

– Доченька, поверь: вы не постройте семью – артисты полжизни проводят на гастролях.

– Я буду ездить с ним и помогать ему в концертах. Этого мама не выдержала и закричала:

– В эстрадных концертах?.. Ты?!.. Через мой труп! Через папин труп! Через трупы дедушки и бабушки!..

От такого количества трупов мне стало плохо. Родители заперли дверь и не выпускали меня. Я пыталась вылезти через окно – меня оттащили. Я молила, рыдала, кричала, потом впала в апатию и неделю пролежала в постели. И сдалась. Меня ведь не научили бороться, поэтому я покорилась.

Прошёл ещё один год. Я стала девицей на выданье, и родители начали поспешно искать мне мужа. Однажды дед привёл в дом своего зубного техника, который принёс шампанское и о чём-то долго шептался с папой. После его ухода я узнала от деда, что техник хочет на мне жениться.

– Но он мне не нравится, – запротестовала я.

Дед рассердился и вытащил из стакана свою вставную челюсть.

– Не заговаривай мне дёсны! Посмотри, какая работа!

– У нас разные интересы, – пыталась я найти поддержку у мамы, – ему же целых сорок лет.

– Ну, и что? – удивилась мама. – У мужчин это переходный возраст: они переходят от жены к жене. Так что скорее выходи, а то уведут.

Я подумала: какая разница, этот или другой – и согласилась.

Свадьбу справляли пышно, в лучшем ресторане. Пришли все стоматологи нашего города и весь вечер пили за золотые руки моего мужа.

Живём мы мирно, спокойно. У нас большая квартира, гараж, дача, машина. Мама и папа счастливы, бабушка и дедушка тоже. Институт я бросила, сижу дома, смотрю за ребёнком. По вечерам помогаю мужу: кипячу инструменты, расфасовываю цемент, кладу зубы на полку. По субботам ходим к его родителям, по воскресеньям – к моим. Конноспортивные соревнования я больше не смотрю, на эстрадные концерты с тех пор ни разу не ходила... Вы спросите, зачем на концерт пришла?.. Увидела его фотографию на афише, захотелось гвоздики подарить, как тогда... Нет, нет, не сама – я через билетёра передам...

Не люблю своё детство. Стараюсь его забыть. Почти забыла. Только одна считалочка из памяти не идёт:

«На золотом крыльце сидели
Царь, царевич, король, королевич»...

СЕСТРА ИЗ ПАРИЖА

«Одиночество – это когда в доме есть телефон, а звонит будильник»

Фаина Раневская.

Эту историю рассказал мне мой покойный друг, замечательный кинорежиссёр и яркий, искромётный человек Яков Сегель. Он обожал Фаину Георгиевну Раневскую, часто бывал у неё дома и потом, переполненный впечатлениями, делился ими со мной. Я в те годы ещё жил в Киеве, но уже большую часть своей жизни проводил в экспрессе «Киев-Москва» и в Московских гостиницах, целенаправленно охмуря редакции газет, издательства, Телевидение – постепенно внедряясь в жизнь столицы. Поэтому я уже имел возможность познакомиться с

Фаиной Григорьевной и, для раскочки, перед историей Сегеля, расскажу о двух своих последних встречах с ней.

Первая произошла в начале шестидесятых, в ресторане старого, ещё не сгоревшего Дома Актёра на улице Горького. Как всегда, он был переполнен. Предварительно заказав столик, мы ужинали, я, брат Леонид и несколько наших друзей. В зал вошла Раневская в сопровождении трёх актёров из театра «Моссовета», в котором она тогда служила. Пришли они после спектакля в надежде поужинать, но свободных мест, как я уже сообщил, не было. Мы решили потесниться, и я пригласил Фаину Георгиевну и её спутников за наш столик. Когда они рассаживались, мне принесли моё любимое блюдо: распластанного на тарелке «цыплёнка Табака». Увидев его, Фаина Георгиевна громко прокомментировала:

– Эта курочка приготовилась любить!

Естественно, и мы все, и сидящие за соседними столиками, громко расхохотались, после чего я растеряно решал, могу ли съесть своего любимого цыплёнка или должен любить его «платонически».

Следующая встреча произошла уже попозже, в конце тысяча девятьсот шестьдесят шестого года. В театре «Моссовета» готовили к выпуску спектакль «Странная миссис Севидж». Ставил спектакль великолепный режиссёр Леонид Викторович Варпаховский, в прошлом учёный секретарь Мейерхольда, отпахавший восемнадцать лет в сталинский лагерях, но каким-то чудом сохранивший свой талант, оптимизм, любовь к людям и неиссякаемое чувство юмора. Несмотря на разницу возрастов в двадцать пять лет, мы очень дружили, часто общались, ездили вместе отдыхать в Прибалтику и там лихо проводили время, причём, заводилой всех придумок, розыгрышей и весёлого «хулиганства» был он.

Когда я утром позвонил ему и сообщил, что прибыл в столицу, он попросил меня немедленно приехать в театр, чтобы успеть посмотреть репетицию: послезавтра показ на публике и сдача спектакля – он очень нервничает. Конечно, через полчаса я уже был в театре.

Начался прогон. В спектакле участвовали очень хорошие, известные артисты, которые прекрасно играли свои роли, но... Но когда появилась Раневская, у меня возникло ощущение, что на сцене куклы, а она – кукловод, она – Гулливер, она – гениальна, поэтому ни с кем не соизмерима.

Когда первое действие окончилось, я рассказал Варпаховскому о своём впечатлении.

– Сашенька, – взмолился он, – пожалуйста, скажите это всё ей – она меня измучила: ей то не нравится, это не нравится, требует переделок, а послезавтра сдача спектакля!..

Когда мы вошли в грим-уборную к Раневской, я с чувством произнёс:

– Фаина Георгиевна, я вас всегда любил, но после этого спектакля я восхищён, я в восторге, вы заполнили сцену, вы – кукловод, которому тесно на ширме, вы...

– Голубчик, – прервала меня Раневская, – пожалуйста, сядьте, вдохните воздух и медленно повторите всё, что вы сказали, медленно и с чувством – я обожаю, когда меня хвалят, о-бо-жа-ю!

Премьера прошла на ура, гремел хор восторженных отзывов и зрителей, и критиков, но она всё равно была не довольна: «Не так, не то, не получилось, не доделано»... И это повторялось всегда, после каждого спектакля: беспощадная требовательность к себе – свойство большого, истинного таланта!

А теперь перейдём к истории, рассказанной Яковом Сегелем. Но сначала сведенье для тех, кто не знает: в 1917 году, когда вся её семья удирали от революции, двадцатилетняя Фаина, отравленная любовью к театру, отказалась эмигрировать и осталась в перевернутой России, одна-одинёшенька, без родителей, без родных и близких. Так и прожила все эти годы, оторванная от семьи.

В конце пятидесятых, её отыскали родственники и она смогла выехать в Румынию и повидалась с матерью, с которой рассталась сорок лет назад. Сестра Изабелла жила в Париже. После

смерти мужа её материальное положение ухудшилось и она решила переехать к знаменитой сестре, которая, как она предполагала, при всех её званиях и регалиях, купается в роскоши.

Обрадованная, что в её жизни появится первый родной человек, Раневская развила бурную деятельность и добилась разрешения для сестры вернуться в СССР.

Счастливая, она встретила её, обняла, расцеловала и повезла домой. Они подъехали к высотному дому на Котельнической набережной.

– Это мой дом, – с гордостью сообщила Фаина Георгиевна сестре.

Изабелла не удивилась: именно в таком доме должна жить её знаменитая сестра. Только поинтересовалась:

– У тебя здесь апартаменты или целый этаж?

Когда Раневская завела её в свою маленькую двухкомнатную квартирку, сестра удивлённо спросила:

– Фаиночка, почему ты живёшь в мастерской а не на вилле?

Находчивая Фаина Георгиевна объяснила:

– Моя вилла ремонтируется.

Но парижскую гостью это не успокоило.

– Почему мастерская такая маленькая? Сколько в ней «жилых» метров?

– Целых двадцать семь, – гордо сообщила Раневская.

– Но это же тесно! – запричитала Изабелла. – Это же нищета!

– Это не нищета! – разозлилась Раневская, – У нас это считается хорошо. Этот дом – элитный. В нём живут самые известные люди: артисты, режиссёры, писатели. Здесь живет сама Уланова!

Фамилия Уланова подействовала: вздохнув, Изабелла стала распаковывать свои чемоданы в предоставленной ей комнатухе. Но она так и не смогла понять, почему этот дом называется элитным: внизу кинотеатр и хлебный магазин, ранним утром грузчики выгружали товар, перекрикивались, шумели, устраивали всем жильцам «побудку». А вечерами, в десять, в одиннадцать, в двенадцать оканчивались сеансы и толпы зрителей вываливались из кинозала, громко обсуждая просмотренный фильм.

– Я живу над «хлебом и зрелищами», – пыталась отшучиваться Фаина Георгиевна, но на сестру это не действовало.

– За что тебя приговорили жить в такой камере?.. Ты, наверное, в чём-то провинилась.

В первый же день приезда, не смотря на летнюю жару, Изабелла натянула узорчатые чулки, надела шёлковое пальто, перчатки, шляпку, побрызгала себя «Шанелью», и сообщила сестре:

– Фаиночка, – я иду в мясную лавку, куплю бон-филе и приготовлю ужин.

– Не надо! – в ужасе воскликнула Раневская. В стране царили процветающий дефицит и вечные очереди – она понимала, как это подействует на неподготовленную жительницу Парижа. – Не надо, я сама куплю.

– Фаиночка, бон-филе надо уметь выбирать, а я это умею, – с гордостью заявила Изабелла и направилась к входной двери. Раневская, как панфиловец на танк, бросилась ей наперерез.

– Я пойду с тобой!

– Один фунт мяса выбирать вдвоём – это нонсенс! – заявила сестра и вышла из квартиры. Раневская сделала последнюю попытку спасти сестру от шока советской действительности.

– Но ты же не знаешь, где наши магазины!

Та обернулась и со снисходительной улыбкой упрекнула:

– Ты думаешь, я не смогу найти мясную лавку. И скрылась в лифте.

Раневская рухнула в кресло, представляя себе последствия первой встречи иностранки-сестры с развитым советским социализмом.

Но говорят же, что Бог помогает юродивым и блаженным: буквально через квартал Изабелла Георгиевна наткнулась на маленький магазинчик, вывеска над которым обещала «Мясные изделия». Она заглянула во внутрь: у прилавка толпилась и гудела очередь, потный мясник бросал на весы отрубленные им хрящи и жилы, именуя их мясом, а в кассовом окошке, толстая кассирша с башней крашенных волос на голове, как собака из будки, периодически облаивала покупателей.

Бочком, бочком Изабелла пробралась к прилавку и обратилась к продавцу:

– Добрый день, месье! Как вы себя чувствуете?

Покупатели поняли, что это цирк, причём, бесплатный, и, как в стоп-кадре, все замерли и затихли. Даже потный мясник не донёс до весов очередную порцию «мясных изделий». А бывшая парижанка продолжала:

– ... Как вы спите, месье?.. Если вас мучает бессонница, попробуйте перед сном принять две столовых ложки коньячка, желательно «Хенесси»... А как ваши дети, месье? Вы их не наказываете?.. Нельзя наказывать детей – можно потерять духовную связь с ними. Вы со мной согласны, месье?

– Да, – наконец, выдавил из себя оторопевший мясник и в подтверждение кивнул.

– Я и не сомневалась. Вы похожи на моего учителя словесности: у вас на лице проступает интеллект.

Не очень понимая, что именно проступает у него на лице, мясник, на всякий случай, смахнул с лица пот.

– Месье, – перешла к делу Изабелла Георгиевна, – мне нужно полтора фунта бон-филе. Надеюсь, у вас есть?

– Да, – кивнул месье мясник и нырнул в кладовку. Его долго не было, очевидно, он ловил телёнка, поймал его, зарезал и приготавливал бон-филе. Вернулся уже со взвешенной и завернутой в бумагу порцией мяса.

– Спасибо, – поблагодарила Изабелла. И добавила: – Я буду приходить к вам по вторникам и пятницам, в четыре часа дня. Вас это устраивает?

– Да, – в третий раз кивнул мясник.

Расплачиваясь в кассе, Изабелла Георгиевна порадовала толстую кассиршу, указав на её обесцвеченные перекистью волосы, закрученные на голове в тяжёлую башню:

– У вас очень модный цвет волос, мадам, в Париже все женщины тоже красятся в блондинок. Но, позвольте посоветовать: вам лучше распустить волосы, чтоб кудри лежали на плечах: распущенные волосы, мадам, украсят ваше приветливое лицо.

Раздался треск рвущихся щёк – это кассирша попыталась улыбнуться.

Когда, вернувшись домой, Изабелла развернула пакет, Фаина Георгиевна ахнула: такого свежайшего мяса она давно не видела, очевидно, мясник отрезал его из своих личных запасов.

– Бон-филе надо уметь выбирать! – гордо заявила Изабелла.

С тех пор каждый вторник и каждую пятницу она посещала «Мясные изделия». В эти дни, ровно в четыре часа, мясник отпускал кассиршу, закрывал магазин, вешал на дверь табличку «Переучёт», ставил рядом с прилавком большое старинное кресло, купленное в антикварном магазине, усаживал в него свою дорогую гостью, и она часами рассказывала ему о парижской жизни, о Лувре, о Эйфелевой башне, о Елисейских полях... А он, подперев голову ладонью, всё слушал её, слушал, слушал... И на лице его вдруг появлялась неожиданная, наивная, детская улыбка...

– Я не знаю, – заключил свою историю Яков Сегель, – поняла ли Изабелла Георгиевна в каком спектакле она участвовала, но свою роль она исполняла искренне и достоверно...

Добавлю от себя: но не долго – очень скоро сестра тяжело заболела, умерла, и Фаина Георгиевна опять осталась одна. Но теперь, после ощущения радости от присутствия рядом близкого, родного человека, она особенно остро почувствовала своё одиночество. Когда её зава-

ливали букетами цветов и признавались в любви, она грустно произносила: «Все любят, а в аптеку сходить некому».

Одиночество убивало настроение и съедало здоровье. Навалившаяся старость душила её в своих объятиях. Одно из её крылатых высказываний: «Старость – это свинство. Это невежество Бога, когда он позволяет доживать до старости.» На вопрос «Как вы себя чувствуете?» отвечала: «Симулирую здоровье» или: «Я себя чувствую, но плохо».

И завершу я эту историю одним из последних её афоризмов. Точнее, это не афоризм – это крик души:

«Будь проклят этот талант, который сделал меня одинокой!»

Её одиночество окончилось на Новом Донском кладбище, где, по её завещанию, она похоронена рядом с сестрой – теперь они навсегда вместе.

СИАМСКИЕ БЛИЗНЕЦЫ

Мы даже не похожи. Я – смуглый, кудрявый, черноволосый, у меня нос с горбинкой, а он – бледнолицый, курносый, белобрысый, волосы торчат, как веник.

– Отойди, – кричит, – от тебя чесноком пахнет!

А как я отойду? Только вместе с ним, этим хамом и лгуном: я ведь чеснок просто так не ем, только в котлетах, которые он же у меня и отбирает. А уж насчёт «пахнет», то это я должен волком выть: от него так перегаром несёт, что комары к нему только в противогазах подлетают. Все свои деньги я трачу на духи и дезодоранты, до тех пор обливаюсь, пока он их у меня не выхватит и не выпьет. Он же алкаш, ханыга, с утра уже пьян. А я спиртное даже видеть не могу, у меня печень слабая. Он напивается, а меня тошнит.

Вмешивается во все мои дела и в разговоры – он же всё слышит, всё при нём происходит. Даже по телефону не посекретничаешь – его ухо рядом. Я бы его отлупил, но боюсь: мы в детстве часто дрались, и он всегда побеждал: его рука – правая. И вообще, он более спортивен, чем я. Гирию выжимает, гантели. Когда делает приседания, я сопротивляюсь, хочется книжку дочитать. А он ухмыляется: «Спасибо за дополнительную нагрузку», навалится всей массой и к земле прижимает. Зато, когда на турнике подтягивается, я злорадствую: ему приходится и меня тащить.

И вера у нас тоже разная. Но вера – это условность: ни он, ни я в храмы не ходим, нас не приучили. Он меня в церковь не зовёт, а его в синагогу трактором не затащишь. Он о своей вере вспоминает только для того, чтобы меня нехристом обозвать. Хотя, когда его крестили, и меня в купель плюхнули, так что неизвестно, кто из нас больший нехристь. А обрезание, из нас двоих, сделали ему. Да, да! Это мой Бог его наказал: в юности у него пипка воспалилась, писать не мог, вот его и обкорнали. Он с тех пор в баню не ходит, свой обрез от всех прячет, если б мог, он бы его в футляре носил. И за это меня ещё больше ненавидит.

Его послушать, если б не я, он бы уже бегал быстрее всех, прыгал, рекорды ставил. Я, видите ли, вишу на нём тяжким грузом и мешаю его совершенствованию. Я кричу:

– Ты без меня никогда бы в Университет экзамены не сдал!

– А тебя, – отвечает, – без меня туда бы никогда не приняли!

– Это почему?

– По профилю! – и хохочет издевательски. – Ты вообще должен быть счастлив, что я тебя рядом терплю... Прекрати скрипеть!

Это он орёт, когда я на скрипке играю. И чтобы заглушить, включает свою любимую песню:

...Без меня тебе, любимый мой
Лететь с одним крылом...

Он знает, что я о такой пошлости умереть могу, и назло крутит её с утра до вечера.

Думаете, мы всегда враждовали?.. Нет, раньше ничего подобного не было. Когда дом строили, помогали друг другу – как же построишь, если врозь?.. И когда от грабителя отбивались, тоже дружно... Я где-то читал, что трудности сплачивают, а что, мол, у нас сейчас всё хорошо, поэтому грызёмся. Но, если всё, что сейчас происходит, это хорошо, то мне страшно подумать, что будет, когда станет плохо!.. И где это хорошо?.. Дом наш из-за вражды нашей заброшен и неухожен, крыша течёт, штукатурка отваливается, полы прогнили. Крысы, моль, тараканы... Но ему это не мешает. Ему я мешаю, я во всём виноват. И за то, что дом рушится, что крысы паркет грызут... В холодильнике пусто – я сожрал. В доме кто-то кашлянул – я заразил. Картина с гвоздя сорвалась – я сбросил... Вместо того, чтобы вместе дом спасти, он со мной с чётки сводит.

– Я тебе завтра все зубы выбью!

Это он каждый день угрожает. И хотя завтра забывает о своей угрозе, но я-то всю ночь не сплю, нервничаю. На следующий день снова, из-за какой-нибудь ерунды:

– Я тебе завтра башку сверну!

И так всю жизнь, в постоянном страхе: свернёт или не свернёт?..

Если на то пошло, то это он ко мне, как пиявка, присосался. Я в университете лучшим студентом был, меня на всех собраниях в президиум выбирали, а он, прилипала, рядом сидел... Меня путёвкой в Сочи наградили – пришлось и ему давать, чтоб он мог съездить. Я – мастер спорта по шахматам, во всех международных соревнованиях участвую – и его посылают, тренером оформили. У меня над доской лоб трещит, а он сидит рядом, делает умное лицо, а потом цветы принимает, репортёрам позирует. И его все поздравляют с моей победой, как великого тренера-наставника. А он из всей шахматной терминологии только одно слово знает: «мат-перемат»... А с девушками как встречаться? Я назначаю свидание, и он со мной прётся. Я шепчу нежные слова, а он орёт: «Звук! Не слышно!»... Я её своей левой к себе прижимаю, а он, своей правой, её по бёдрам поглаживает.. И когда мы расписывались, он рядом, третьим стоял. И в первую брачную ночь с нами остался. Я его молю:

– Закрой глаза, спи.

– Не могу спать, – ухмыляется, – когда рядом наша жена лежит.

И глаза нараспашку до утра. Жена меня целует и шепчет:

– Иди ко мне.

А как идти? Вместе с ним?.. Лежу и губы кусаю, чтоб не заплакать. И так – все ночи, целый год, у нас потому и ребёнка не было. А потом жена от меня ушла. К нему. Когда я уснул, взяла и перелезла, слева направо. А ему-то не стыдно – лежу и всю ночь шею в сторону выворачиваю, глаза зажимаю, чтоб не видеть, что он с ней вытворляет.

– Как ты могла? – спрашиваю.

– Я устала, – отвечает. – Надоело жить и всего бояться. Мне опора нужна, дом и его хозяин.

– Но это наш, общий дом, мы его вместе строили.

– Всё равно ты здесь квартирант. Настанет день, и тебя отсюда выгонят.

– Это невозможно, мы так срослись.

– С кровью оторвут и пинком под зад. А ты даже не станешь протестовать – в тебе гордость потеряна, раз соглашаешься так жить.

Очень меня эти её слова до сердца достали. Не смог я больше терпеть, решил ему отомстить. Яд у меня был, стрихнин. Когда у нас крыс травили, я пакетик этого порошка спрятал. Тогда ещё сам не знал зачем, но, видно, подсознание подсказало. За столом мы сидим, понятно, рядом. Когда он отвернулся, я ему весь пакетик в суп вытряхнул. Съел он его. Побледнел, на лбу пот выступил. А потом согнулся пополам и как взвывает. А у меня, поверьте, ни жалости,

ни раскаянья – так я его возненавидел. Смотрю и тихо радуюсь: наконец, избавился. А потом чувствую, и у меня на лбу пот выступает. Потом внутри будто гвозди забивать стали, с хватился я за живот и тоже взвыл: кровообращение-то у нас общее, постепенно отравы и до меня дошла. Отвезли нас обоих в больницу, обоим промывание сделали, капельницы поставили, мне в левую руку, ему в правую – еле нас откачали.

Понял он, что это я нас чуть не уконтрапупил, и говорит:

– Так дальше жить нельзя. Если не разделимся, ночью одновременно друг друга передошшим.

А чтобы разделиться, нужно было операцию тяжёлую перенести, очень опасную. Нам её когда-то один хирург предлагал, но предупредил, что шансов остаться в живых один из десяти. Мы тогда в один голос отказались, боялись риска, думали и так проживём. Но теперь поняли, что больше не выдержим, лучше смерть, чем такое существование.

... Везут нас на каталке, последний раз вместе. Он мне говорит:

– Хоть бы они нас не зарезали – так охота пожить без твоей гнусной рожи рядом!

– А я согласен даже умереть, – отвечаю, – только бы от тебя освободиться.

– Если на том свете ко мне подойдёшь – убью!

Привезли нас в операционную, положили на стол, дали наркоз и стали кромать наши тела и внутренности. Полдня длилась операция. За столько лет мы крепко срослись, всё – и нервы, и сосуды, и капилляры разделить надо было. Крови много вытекло, и из одного, и из второго. Несколько раз клиническая смерть наступала. Но, видно, его Бог или мой, а может, оба наших Бога постарались – вытерпели мы всё и живыми остались. Развезли нас по разным палатам и стали выхаживать.

Открыл я через сутки глаза и сразу ослепило: «Свободен!». От такого счастья снова сознание потерял. А он от радости чуть с ума не сошёл: схватил с тумбочки настойку крушины, прошептал «Да здравствует свобода!» и весь пузырёк выпил – из-под него потом неделю судно не вынимали.

А мне никаких настоек не требовалось, я от свободы опьянел: хочу – лежу, хочу – хожу, хочу – читаю – ни от кого не завишу!.. Как же я, червяк придавленный, мог столько лет пресмыкаться и терпеть эту невыносимую жизнь?! Окрепну, выпишусь из больницы и уеду далеко-далеко, чтобы забыть прошлые муки и унижения.

Решил я так, и на душе потеплело. А потом вдруг холодная тревога заползла: легко сказать «уеду», а куда? Здесь всё хоть и невыносимо, но привычно. А там – чужие края, чужие нравы. И почему невыносимо? Крышу над головой имел? Имел. И сыт был, и одет, и обут. А там всё начинать с начала надо, с самого нуля. И не резвым мальчуганом-заводилой, а уже поседевшим неудачником, утомлённым нелёгкой жизнью... От этих мыслей я так расстроился, что швы разошлись, температура подскочила – продержали меня в больнице лишнюю неделю.

Но вот настал долгожданный день: выписали меня, проводили до ворот и пожелали успеха. Вышел я на улицу а там машины, троллейбусы, трамваи – гудом гудят. И людей – тысячи, бегут, спешат, толкаются. А среди них и злые, и агрессивные. И вдруг так мне страшно стало, что ноги подкосились, идти не мог, к стене прислонился: я ведь теперь один, навсегда. А мне одиночество непривычно. Когда он со мной рядом шёл, я себя чувствовал уверенно. С ним не страшно было, он сильный. Его все боялись. Да и вообще: двое – это не один. Вдвоём с любым сладишь. Когда тот грабитель пытался к нам в дом залезть, мы ему так надавали, он справа, а я слева – незванный гость еле ноги унёс...

И вдруг поймал я себя на странной мысли: и он ведь сейчас один, и ему жутковато: остаётся в развалившемся доме, работать отвык, а придётся – меня не будет, не на кого чертей вешать. И от пол-литры надо отказываться, иначе всё на голову рухнет... И вдруг даже стало мне его жалко.

Психанул я на себя за эту слабость и, чтобы злость восстановить, стал вспоминать все его пороки. Но что-то плохо получалось: с одной стороны я его обвинял, а с другой – тут же сам защитительные доводы приводил... Да, мешал на скрипке играть. Но без него я вообще ни разу бы не сыграл: ведь когда я своей левой по смычку водил, он своей правой мне её поддерживал... Да, пьёт, много пьёт. Но ведь он не родился алкоголиком – пить стал на моих глазах, из-за жизни нашей патологической... Да, грубый, резкий, драчливый, но когда я в прорубь провалился, он же мне свои сухие ботинки отдал, а сам босиком до дома топал...

И вдруг захотелось мне его голос услышать. Так внутри заньло, что не выдержал, заскочил в телефонную будку и наш номер набрал. Он снял трубку.

– Алло!.. Алло!.. Слушаю!..

А я молчу, только сердце барабанит. И он замолчал. Молчим оба. Потом он спрашивает:

– Это ты?

– Я – отвечаю. И жду: сейчас какую-нибудь гадость ляпнет.

А он снова помолчал и вдруг:

– Как живёшь?

Я растерялся, засуетился:

– Прекрасно, прекрасно! А ты?

– Превосходно.

И снова замолчал.

– Я уезжаю, – говорю. – Далеко.

И опять ожидаю в ответ что-то вроде: «Скатертью дорога!». А он снова неожиданно:

– Может, попрощаться зайдёшь?

– Зайду.

Повесил я трубку совершенно ошеломлённый, а потом вдруг понял: да у него ведь на сердце сейчас такая же тяжесть, как и у меня. Я это своим сердцем почувствовал, недаром они у нас столько лет рядом бились!..

Подошёл к дому – дверь открыта, ждёт. Зашёл в гостиную, вижу, над столом фотография висит, где мы пацанами, в мохнатых шапочках, как два медвежонка. Никогда он её раньше не вынимал, а тут... Но сделал вид, что не заметил.

– Закурить есть? – спрашиваю.

Протянул он мне пачку. Посидели, покурили. Потом говорю:

– Дом тебе остаётся. И вся мебель. Только ковёр я продам – деньги на дорогу нужны.

Поднял он голову, глянул на меня как-то необычно – никогда раньше так не смотрел.

– Скрипку не забудь. Я тебе футляра починил.

– Спасибо.

– Куда поедешь?

– Куда-нибудь на юг. Я здесь мёрзну.

– Писать будешь?

– Не знаю. А ты?

– Вряд ли.

Снова помолчали.

– Ну, что ж... – говорю.

– Пока.

– Пока. – Будь.

– И ты будь.

Помахал он мне своей правой, а я ему своей левой, и разошлись мы в разные стороны, теперь уже навсегда. Я не оглядывался, чтобы швы на теле не кровоточили. А он на прощанье песню включил:

...Без меня тебе, любимый мой,
Лететь с одним крылом...

Зря я ругал эту песню: оказывается, очень она душевная.

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

Иван Иванович ехал в первом вагоне метро. Сквозь стекло он увидел Петра Петровича, который ехал в соседнем вагоне. Увидел и обрадовался.

– Петька, чёрт!.. Это ж надо!.. Столько лет ни слуху, ни духу!.. А ведь были когда-то не разлей вода. С первого курса дружили. И диплом вместе защищали...

И вдруг Иван Иванович вспомнил, что после защиты диплома одолжил у Петьки десять рублей и так и не вернул. «Ах, чёрт, как неудобно!», – подумал он, быстро отвернулся и стал смотреть в чёрное стекло.

Пётр Петрович тоже заметил Ивана Ивановича и чуть не подпрыгнул от радости.

– Вот так встреча!.. И где? Под землёй!.. Сейчас дождусь остановки, подкрадусь сзади и как гаркну: «Ванька, дай списать сопромат!»...

И вдруг Пётр Петрович вспомнил, что Ванька не пригласил его на банкет по поводу защиты диссертации. Правда, они до этого не виделись уже лет десять, но ведь других однокурсников он же отыскал: и Мишку Вертунского, и Ляльку Бабич...

– И не нуждаемся!.. Подумаешь: кандидат наук!.. Мы тоже не лыком шиты – как-никак отделом руководим!.. Так что без вашего банкета обойдёмся.

И Пётр Петрович тоже отвернулся и прижался лбом к оконному стеклу. На остановке он пересел в третий вагон, чтобы Ванька его не заметил. А тот, с аналогичной целью, пробежал по платформе и вскочил в четвёртый, соседний вагон. Когда поезд тронулся, они снова заметили друг друга.

– Преследует! – подумал Иван Иванович. – Сколько лет прошло – всё ещё помнит про свою десятку... Да ведь после всех девальваций она уже в рубль превратилась... Из-за рубля пачкается!..

– Засёк, – отметил Пётр Петрович, – сейчас оправдываться начнёт, историю душещипательную сочинит. Он врать всегда был мастак... Не надо, господин кандидат! В ваших оправданиях не нуждаемся!.. И в вашем обществе – тоже!

Каждый решил не покидать свой вагон, пока не выйдет бывший однокурсник – только бы избежать неприятной встречи.

Они ехали, уткнувшись в окна вагонов, незаметно бросая друг на друга косые взгляды.

– Н-да... Не помолодел Петька, – грустно отметил Иван Иванович, – а был первым красавчиком на курсе. Петушок!.. А теперь вот хохолок поредел, мешочки под глазами. А ведь моего возраста... Ну и что, что моего? Я ведь уже тоже не Тарзан... Да и Тарзан уже, наверное, стал похож на Читу... Н-да!..

– Что-то и росточек у него поубавился, – думал Пётр Петрович, – а ведь был лучшим забойщиком, в одной волейбольной команде играли... Эх-хо-хо... Скоро опять оба в одной команде будем, в команде пенсионеров...

– А может, он и не из-за десятки, а просто встретиться хочет? – вдруг мелькнуло в голове у Ивана Ивановича. – Может, где-нибудь на периферии служит, раз в жизни в столицу прикаптит, и такая удача – на старого дружка наткнулся. Вот и трясётся лишние километры, время командировочное теряет. Ведь он такой: когда-то, чтобы повидаться, ко мне на практику в Краснодар прилетел!..

– Ну, не пригласил на банкет, ну, и Бог с ним!.. Подумаешь, трагедия: меньше в своей жизни на сто грамм водки выпил... Может, не успел, замотался перед защитой, издёр-

гался... Ведь он всегда был впечатлительным. Когда меня к экзаменам не допустили, как он на декана орал! Выговор получил.

– Из-за паршивой десятки друга теряю!

– Из-за занюханного банкета от друга прячусь!.. Поезд подошёл к конечной остановке.

Толпа пассажиров заполнила перрон.

– Только бы нам не разминуться, – тревожно подумал Иван Иванович.

– Только бы не потеряться, – подстегнул себя Пётр Петрович.

Врезавшись в толпу, они кинулись догонять друг друга. Один побежал к северному выходу, другой – к противоположному, южному, вскочили на эскалаторы и разъехались в разные стороны.

Навсегда.

В ПРИГОРОДНОМ АВТОБУСЕ

Были последние дни июля, и солнце перевыполняло план на триста процентов. А может, оно просто перепутало Европу с Африкой. Я погружался в тротуар, мягкий и горячий, как пюре. Рядом влипла в асфальт маленькая женщина лет за пятьдесят, худая и коричневая от загара. У неё был тонкий, вытянутый нос с двумя выемками у самого кончика, как будто её взяли пальцами за нос и крепко сдавили... Женщина кого-то высматривала, нервно вертела головой и поглядывала на часы.

Больше на остановке никого не было. Да и не удивительно. Этот автобус бывает переполнен в пятницу, когда аборигены возвращаются с работы по домам, а дачники устремляются под собственную тень на два выходных дня. А в субботу, в раскалённый полдень, может решиться ехать только пережаренная шкварка или такой профессиональный неудачник, как я, которому уже нечего терять. Впрочем, ничего особенного – элементарная пара по химии – и третья попытка проникнуть в мединститут завершилась, как и предыдущие.

Самое забавное, что в кармане лежит мамино письмо: «Уверена успехе ни пуха ни пера заранее поздравляю». Третий год подряд она присылает подобные послания, и третий год подряд я благополучно проваливаюсь. «Что за трагедия! – скажет Юлька. – Ты опытный фельдшер, прилично устроен, прилично зарабатываешь»... А я устал. Мне надоело после дежурств возвращаться в четырехместное купе общежития «скорой помощи», надоело по ночам зубрить химию, надоело зимними вечерами целоваться с Юлькой в подъездах. У меня, как у десятиклассника, на учёте все тёплые парадные. А я ведь не пацан – четвертак позади. Недавно какая-то отличница даже место в трамвае уступила.

Из-за угла выглянул автобус, остановился, как бы раздумывая, стоит ли в такую жару из-за нас двоих делать крюк. Затем вздохнул и всё-таки стал поворачивать. Старая рухлядь! Как его выпускают на линию? Наверное, его уже не принимают в металлолом... В этот момент женщина призывно замахала рукой. Через дорогу бежал мужчина с прозрачным целлофановым пакетом, в который были втиснуты три бледных курицы. Перебежав улицу, он поцеловал женщину в щеку, погладил её по голове и только после этого стал часто и шумно дышать, как бы вдруг вспомнив, что у него одышка. Пока автобус полз к остановке, я внимательно рассмотрел владельца авоськи. Он уже давно оформил пенсию. Его лицо было болезненно-бледным – к таким лицам загар не пристаёт. Большой пухлый нос, большие щёки с пухлыми складками и мешочками, пухлые пальцы без суставов, как надутые резиновые перчатки. И вообще, весь он напоминал надувную игрушку, из которой начали выпускать воздух.

В автобусе было много свободных мест. Я сел у окна. Автобус дёрнулся и покатил по дороге. Всё, всё, всё! Никаких отступлений! Еду к тётке, забираю своё тёплое пальто, книги, ботинки – и утром в поезд. Через сутки – здравствуй, мама! – и снова нормальная жизнь нормального человека. Как сказала бы Юлька, ничего страшного, миллионы людей живут без выс-

шего образования. Так что, прости, мама, но нашу мечту о прославленном докторе мы воплотим в будущем внуке...

Позади меня устроился пухлый мужчина со своей спутницей. Впереди бухнулись на сидение двое парней, которые успели вскочить в автобус за секунду до отправления. Один был в очках и в берете, другой – в модной тельняшке, уже выцветшей и в двух местах аккуратно заштопанной. Устроившись, они продолжали разговор.

– Ты видел когда-нибудь, как пельмени свариваются в один комок? Вот это его сольный концерт – из одинаковых пельменей.

– Билеты берите! – потребовала кондуктор, мужеподобная особа с квадратными плечами, выпирающими из сарафана. Её руки были залепаны крупными веснушками, напоминающими ржавчину.

Я протянул ей деньги.

– Куда едете?

– До конечной.

– Сразу надо говорить. А то бояться языком шевельнуть!

Ну и ведьма! Выдать бы ей под моё настроение, да жаль зря портить нервы: ведь я её уже не увижу. Как и всех остальных в этом солёном, душном городе. В стране десятки мединститутов, но мама уговорила меня приехать именно сюда. И всё потому, что в пригороде живёт тётя Вера, у которой я смогу хранить свои ценные вещи и поесть вкусные обеды. Мама уверена, что ради домашних котлет я с радостью буду совершать ходки, вроде этой. Последний раз тетю Веру я видел первого апреля, когда мы с Юлькой отвезли ей моё зимнее пальто и забрали демисезонное. Если б мама знала!

Пухлый мужчина, наконец, отдышался. Женщина, которая терпеливо дожидалась этого момента, спросила:

– Почему ты опоздал?

– Я ездил на базар. Я не люблю брать птицу в магазине. Но зато я выбрал, что хотел. Это не курицы, это золото. Две я купил тебе, а одну отдам ей, за сутки в холодильнике не испортится. Я тебе их разделю так, что хватит на пять дней.

– А ей ты будешь разделять?

– Ей я не буду разделять. Пусть сама разделяет.

Горластая кондуктор подошла к парням и рявкнула:

– А вам отдельное приглашение?

Очкарик протянул ей деньги.

– Два до конечной.

– Я себе возьму, – засуетился парень в тельняшке.

– Да ладно! Сам говорил, что вам уже второй день зарплату не платят.

– Это всё из-за него: развалил организацию! – Парень развернул газету – в ней были пирожки. – Бери, ты ведь тоже не обедал.

Они оба стали энергично жевать. Мне стало дурно от одного вида этих пирожков. В такую жару мне вообще противна всякая пища. А с заднего сидения доносилось:

– ... Четыре лапки, две головки, пупки, два сердца – вот тебе холодец. Шейки можно начинить – это ещё порции. Потом восемь четвертей. И ещё бульон...

– Ты очень хорошо умеешь разделять кур.

В голосе женщины звучали любовь и гордость.

– Я теперь всегда тебе буду разделять.

– А ей ты разделял?

– Когда-то раньше. А теперь нет. Теперь каждый сам себе разделяет. Я ей только покупаю. У неё ведь больные ноги. Ты же знаешь.

– Я знаю.

Продолжая жевать, парень в тельняшке изливал душу товарищу.

– Ты когда-нибудь пил соду с сахаром? Вот это манера его исполнения. Он ведь не поёт – он о чём-то шепчется с публикой. И ещё режиссирует. Недавно поставил программу «Бригантина», стоила тридцать тысяч. Через неделю со страшным скандалом провалилась.

– Большому кораблю – большое кораблекрушение, – пошутил очкарик.

Но рассказчик даже не улыбнулся.

– Знаешь, как его у нас называют? Иванушка-худручок!

– Слушай, с чем эти пирожки?

– С изжогой.

Уже три часа. В шесть Юлька идет на «йогу». Это её новое увлечение после того, как она перестала прыгать с парашютом. Интересно, как она отреагирует на то, что я её не встречу после занятия?

На одной из остановок в автобус вошла чистенькая, аккуратная старушка, светлая, как полнолуние, и опустилась рядом со мной. Её лицо сплошь было изрезано весёлыми и подвижными морщинками. Его можно было использовать для плаката: «Боритесь с оврагами!» Поставив на колени портфельчик, такой же аккуратный, как и она сама, старушка улыбнулась мне, как старому знакомому, отчего морщинки совершенно обнаглели и рванулись куда-то за уши.

– Домой возвращаюсь. Угадайте, где я была? Целый месяц!

Послал бог собеседницу. Теперь придётся всю дорогу вести содержательный разговор.

– Не умею угадывать, – буркнул я.

Но старушка не обиделась. Я нужен был не как участник беседы, а только, как повод.

– В институте геронтологии. Знаете, где стариков изучают. И лечат. Вы спросите, поправились я или нет.

Это уже легче: повторять готовые вопросы. Это я могу.

– Вы поправились?

– Чувствую себя лучше. Но больше к ним не поеду. Знаете почему?

– Почему?

Я подавал ей нужные реплики, как Белый клоун Рыжему.

– Каждый день им надо говорить, где у тебя заболело, где закололо...

– Старуха, а туда же – едет зайцем! – гаркнула со своего места кондуктор.

Старушка засуетилась.

– Что вы! Обязательно возьму. Я вас просто не заметила.

– Очки надень!

У старушки от неожиданности отвалился подбородок, и все морщинки выстроились вертикально.

– Да как вы смеете...

– Не связывайтесь, – посоветовал я.

Было жарко и душно. Автобус напоминал духовку на колесах. Спину парил горячий компресс из пропотевшей рубашки. На переднем сидении парень в тельняшке продолжал поливать своего худрука.

– А ты бы всё это выдал на коллективе, – посоветовал очкастый умный друг. – Неужели тебя не поддержат?

– Пять человек поддержат, остальные промолчат. У нас в ансамбле интриги, как в академическом театре. Он меня сразу выживет. А я дня не могу без работы. У меня на каждой клавише по иждивенцу. Я должен выколачивать башли – вот и стучу на рояле.

– Ты легко устроишься в другом месте-все знают, как ты играешь.

– Это Рихтер играл, а я стучу.

Я откинул голову назад, на спинку кресла, и услышал продолжение другого диалога.

– Ты хорошо сделал, что купил не одну курицу, а две. Бульон из двух кур, – это ведь не из одной, правда?

– Конечно: две курицы – это не одна.

– А она тебя угощает бульоном?

– Раньше угощала. Теперь нет.

Я закрыл глаза и попытался задремать, но ничего не получилось. Наверное, сон вышел из меня вместе с потом.

– ...Сколько мне суждено жить, столько и проживу без их института, – убеждала меня старушка. – Буду книги читать, в кино ходить, ездить на велосипеде... А чего вы улыбаетесь? У меня сосед, на восемь лет старше, с велосипеда не слазит. Одной ногой в могиле, а другой-педаль крутит. Это очень полезно для здоровья... Вы думаете, я смерти боюсь? Ничего подобного! Боятся те, кому нечего вспоминать, а я прожила разноцветную жизнь.

Боже, как они мне все надоели! Как трясёт этот ящик на колесах! Наверное, в юности он работал бетономешалкой!

Автобус подпрыгнул и затормозил. Вскочила девушка в кожаной мини-юбке, напоминающей набедренную повязку. У Юльки такая же, только коричневая... Поскорей бы в поезд! Уехать и обрубить. И всё! Очень уж они переплелись-институт и Юлька. Я больше не могу провожать её до входа и оставаться на улице. Я больше не могу слушать, как она разговаривает с однокурсниками об анатомке или профессоре Глинкине, а я при этом только присутствую. У неё своя жизнь, в которую я никак не могу прорваться. Когда мы познакомились, она была на первом курсе, теперь – на третьем. А я все трахаюсь лбом о приёмную комиссию. Юлька уходит от меня, вверх по курсам, как по ступенькам, я это чувствую. Так лучше самому, сразу, одним махом!

В автобус вошел новый пассажир. Он был в пиджаке и при галстук. «Самоубийца», – подумал я. Но пассажир чувствовал себя превосходно.

– Сестричка, – обратился он к нашей кондукторше, – поздравь меня: мне сегодня исполнилось сорок лет!

– Билет берите! – потребовала «сестричка».

– Я возьму, не беспокойся. Но ты меня сначала поздравь – у меня праздник.

– Гражданин, берите билет. Если выпили, не надо хулиганить.

– Я не хулиганю, я радуюсь, – миролюбиво объяснил именинник. – Мне сорок, а женщины ещё дарят цветы. Вот!

Он вытащил из бокового кармана красную гвоздику и протянул её кондукторше. Но та оттолкнула его руку и прорычала:

– Не возьмёшь билет – милицию позову! Каждый ханыга будет нервы мотать!

Улыбка слетела с лица именинника. Он вставил цветок на прежнее место и нажал кнопку звонка рядом с табличкой «Место кондуктора».

– Ты чего хулиганишь!

Не отвечая, мужчина крикнул водителю:

– Открой дверь. Выйти надо!

Автобус остановился, дверь открылась. Пассажир стал на ступеньку и сказал кондукторше:

– Не хочу ехать в твоём автобусе! Ты мне весь праздник испортила. – Спрыгнул на землю и уже оттуда добавил: – Рожать тебе, кондуктор, надо. Рожать! Добрее будешь!

Автобус тронулся дальше.

Все разговоры прервались. Пассажиры с осуждением смотрели на кондуктора. Та была несколько растеряна, но не подавала виду.

– Ничего! Прожарится на солнышке, пока следующая машина подойдет, – успокоится.

– Это свинство! – сказала моя соседка-старушка.

- Чего? – рыкнула на неё кондуктор.
- Свинство, говорю: выставить человека на полпути.
- Кто его выставлял? Сам выскочил.

И тут автобус взорвался. Всё накапливающееся раздражение против грубиянки-кондукторши теперь хлынуло лавиной.

– И правильно сделал! – крикнул полосатый лабух. – Лучше пешком идти, чем видеть вашу мрачную физиономию.

– Ну и шёл бы пешком, Кто тебя в автобус звал?

– Нет, голубушка! – заявила старушка. – Нас двадцать, а вы одна. Не вы от нас, а мы от вас скорей избавимся!

Её морщинки воинственно подталкивали друг друга. Со всех кресел неслось:

– Надо написать письмо в мэрию!

– Все подпишемся!

– Такую хамку надо учить!

И вдруг все замолчали. Кондуктор тихо плакала.

Это было неожиданно. От неё ждали ругани, оскорблений, но не таких тихих слёз. И ещё она всхлипывала по-детски. И приговаривала:

– Набросились, как на бандитку. А у меня, может, на той неделе тоже день рождения был... И ни одна зараза не поздравила... И муж к Воробьёвой Дашке ушёл... И план третий месяц не выполняем...

Автобус остановился. Это была конечная остановка. Водитель открыл двери, но никто не спешил выходить.

– Не надо плакать, – сказала маленькая старушка гренадёрше-кондукторше. – Мы теперь все будем ездить только вашим автобусом – это поможет выполнению плана. Какой номер вашей машины?

– Ноль семь семьдесят семь, – ещё всхлипывая, ответила кондукторша.

– Видите, как легко запоминается: три семёрки. Прекрасный автобус...

– Как портвейн! – неожиданно для самого себя сдохмил я.

Все засмеялись, и это разрядило обстановку. Пассажиры встали и начали выходить.

Дождавшись, когда все вышли, обладательница кур подошла к заплаканной кондукторше и погладила её по атлетическому плечу.

– Нельзя опускать руки. Надо бороться. – Она кивнула на пухлого мужчину. – Знаете, сколько я его ждала? Восемнадцать лет. И ни за кого не выходила замуж. Так я боролась. И теперь мы вместе. – Она нежно посмотрела на своего избранника, потом снова перевела взгляд на кондукторшу. – Конечно, одной тяжело. Я это хорошо знаю. – Шагнула к выходу, затем остановилась и вытащила из пакета лежащую сверху птицу. – Возьмите. Это подарок к вашему дню рождения. Это очень хорошая курица, с базара. Вам одной хватит на неделю. Она опять посмотрела на пухлого мужчину. – И нам тоже хватит одной, правда?

– Я тебе одну разделаю, как двух. Ты и не заметишь, – пообещал тот.

– Я знаю. Он очень хорошо разделяет кур, – сообщила женщина и вышла вместе со своим надувным спутником.

Я постоял в тени автобуса, потом похлопал его по толстому теплому крупу и обошёл вокруг, рассматривая. Бока его были потёрты, кое-где виднелись шрамы и вмятины. Макушка крыши покрылась седоватой пылью, под которой старческой перхотью шелушилась краска. Подтёки вчерашнего дождя напоминали капли пота. Двигатель ещё не был выключен – автобус слегка подрагивал и хрипло дышал после пробега... Зря я ругал этого трудягу. Он честно вкалывает, хотя ему давно пора на пенсию. Не жалуется, не канючит, не просит замены, а везёт туда, куда требуется, на юг, на север, на запад, на восток... А в том, что мне было жарко и противно, автобус не виноват – просто я поехал не в ту сторону.

Я глянул на часы. Сейчас четыре. Три часа дороги обратно, и я ещё успею встретить Юльку после «йоги». Отсюда хорошо был виден домик тёти Веры, где хранилось моё зимнее пальто и остальные вещи. Я помахал ему рукой, вошёл в автобус и сел на своё прежнее место.

Растерянная кондуктор все еще держала в руках подаренную курицу.

– Вы чего? – спросила она.

– Забыл ключи от дачи, – соврал я и протянул ей деньги на билет.

В автобус входили новые пассажиры.

Жара спадала.

ЛЮБИТЕ ЖИВЫХ!

Днём на площади упала женщина. «Скорая помощь» доставила её в больницу. Попытались привести в чувство, но не удалось – её сердце остановилось. Из документов выяснилось, что это актриса областного театра Галина Басова.

Зачем она приехала в столицу? Что её расстроило? Почему случился приступ?..

Это могла рассказать только сама Басова.

Она села в поезд без плаща и без чемодана. Её уволили! Уволили за четырнадцать месяцев до выхода на пенсию. Это была месть самодура-директора, которому она на сборе труппы выложила всю правду. Причём, уволили с оскорбительной формулировкой: за непрофессионализм и отсутствие диплома. Это после стольких лет работы, после десятков сыгранных ролей!.. И ведь все прекрасно знают, что её диплом сгорел при пожаре. Пару лет назад она хотела ехать в Москву, восстановить диплом, но директор сам её отговорил, мол, нечего терять время на глупости... Но ничего! Теперь она поедет и найдёт своих друзей, которые подтвердят, что она окончила институт, что знают её как актрису, как человека... Они напишут в главк, а может, даже самому министру!.. Этот самодур ещё пожалеет!..

Первым, кого её удалось разыскать, был бывший администратор её бывшего театра. Сейчас он работал в зоопарке. Она нашла его у бассейна с крокодилом.

– Володька! Вот уж где не ожидала тебя встретить! – Раньше надо было сюда идти, я бы уже был здесь директором, да ваше проклятое искусство отравило меня – много лет ничем другим не мог заниматься. И в опере костюмером работал, и в джазе ударником был...

– Ты же никогда играть не умел...

– А ты думаешь, там остальные умели?.. Потом в цирк ушёл, возил бригаду лилипутов. В пантомимах участвовал, изображал Гулливера... Платили мало, поэтому лилипуты смотрели на меня свысока...

– Гулливеры всегда получают меньше лилипутов.

– ... Ничего, я на них отыгрался: возглавил движение за экономию – тогда это было модно. Брал в гостинице одну кровать на двоих и укладывал их валетом. Они пожаловались, что при мне они творчески не растут. Я ушёл – пусть растут без меня... Ну, а от цирка до зоопарка – один шаг. Попросился к хищникам. Здесь всё по-честному: они меня откровенно ненавидят, а я их... Вот, крокодила привезли. Рот до ушей, а ушей нет. А жрёт всё подряд: мясо, ботинки, мыло...

– Ты женат?

– Нет. Жениться надо, когда ты голодранец. Тогда знаешь, что любят тебя, а не твою сберкнижку.

– И никогда не имел семьи?

– Когда-то встречался с одной особой. Она всё время опаздывала на свидания. Когда мне это надоело, я на ней женился. А через месяц мы разошлись.

– Почему?

– В женщине какое качество главное?.. Чуткость. А она так себя вела, как-будто меня осчастливила. А я – ранимый, меня это оскорбляло, наши отношения портились... Словом, она меня дважды осчастливила: первый раз, когда вышла за меня замуж, второй раз – когда ушла к другому.

– Тоскливо же одному... Друзья хоть к тебе заходят?

– Редко. Да это и к лучшему. Друзья ведь зачем ходят? Чтобы денег одолжить. Помнишь: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей»?.. Правильная поговорка: если имеешь сто друзей, никогда ста рублей иметь не будешь!

– Ну, а почему ты не спрашиваешь, зачем я к тебе пришла?

– А чего спрашивать? И так ясно: что-нибудь устроить нужно, позвонить, протолкнуть... Ну, давай выкладывай, помогу...

– Спасибо. Мне от тебя ничего не надо. Прощай, ранимый!

Это был первый удар в больное сердце. Она выбежала из зоопарка, поймала такси: «Скоро в оперетту! Ведь там Марина... Марина, Маруся, Машка!.. Она поймёт, поддержит, поможет... А, представляю, как она обрадуется нашей встрече!»...

И Марина, действительно, искренне обрадовалась:

– Галка, чудо! Боже мой, как я рада!.. Извини, я буду гримироваться, сейчас мой выход... Ну, рассказывай, рассказывай, что тебя привело?.. Директор?.. Приказ?.. Год до пенсии?.. Причём тут пенсия – ведь ты ещё молодцом!.. Расскажи про свою диету. Хотя, это ни к чему: на меня никакие диеты не действуют. Ничего не поделаешь: фигура предаёт нас в самый ответственный момент, когда на лицо уже рассчитывать не приходится... У поляков есть поговорка: «Объедаясь, вы собственными зубами роете себе могилу». При моём аппетите я уже вырыла котлован для всего нашего коллектива... Да, да, я тебя понимаю: всё это похоже на издевательство... А думаешь, надо мной не издеваются? Меня уже дважды спрашивали: «Почему вы не снимаетесь в кино? Ведь уже есть широкоэкранные фильмы»... Конечно, надо бороться, справедливость всегда восторжествует... Галка! Как я счастлива тебя видеть! Как я люблю встречаться с однокашницами!.. Расскажи о своей личной жизни – ты помнишь, каким я пользовалась успехом? У заслуженных, у народных?.. И это нормально: до тридцати нас любят пожилые, после тридцати нас любят мальчишки, а в промежутках мы выходим замуж.. Да, да, всё, что ты рассказываешь, ужасно и... Стоп! Это мне звонок. Как я рада, что мы поболтали...

Она рванулась к выходу, но Басова преградила ей дорогу:

– Так ты подпишешь письмо?.. Отвечай прямо: да или нет?

Марина положила ей руки на плечи:

– Галочка! В жизни не всё так просто, как тебе кажется. Я, наконец, представлена к званию. В театре много завистников. И если я буду замешана в какой-нибудь истории... Ты понимаешь?..

Отодвинула подругу в сторону, выпорхнула на сцену и сразу же вошла в образ:

Я – маленькая пчёлка,

Я целый день жужжу,

Я – маленькая пчёлка,

Меня зовут Жужу!..

Басова прислонилась к подоконнику. Хотелось кричать от обиды. Всё! Больше она никого просить не будет... И вдруг в памяти выплыло лицо обидевшего её самодура... Нет, не всё!.. Есть ещё Костюков. Она слышала, что он сейчас занимает какой-то большой пост в Министерстве. Когда-то он первый пригласил её на работу и первый поздравил с успехом... Эх, дура, дура! Надо было сразу идти к нему...

Костюков только что окончил приём. Он очень спешил. За последние два года он, наконец, вырвался в отпуск. Целый месяц без заседаний, целый месяц – солнце и море!..

Секретарша подала ему записку:

«Дорогой Илья Ильич! Вы помогли мне на старте – теперь помогите на финише. Но сначала помогите прорваться сквозь заслон секретарши. Ваша крестница».

Если бы Костюков дочитал записку до конца, он бы обязательно вспомнил, кого называл крестницей. Но он спешил, он мысленно был уже в Сочи. И на записке появилась резолюция: «В отдел кадров. Разобраться».

Через десять минут на площадь с воем ворвалась «скорая помощь»...

Это были совсем не злые люди. Узнав о несчастье, они бросили все дела и примчались в больницу. Они сидели в вестибюле на длинном белом диване. Каждого мучили угрызения совести.

– Я ей даже не предложил чашку кофе... Я разговаривал так, что и у моего крокодила мог быть инфаркт!..

– Это я убила её, я!.. Она пришла ко мне, к подруге, за помощью, а я предала её... Из-за какого-то звания!

– Да пропади оно пропадом, это море!.. Два года не был в отпуске – мог ещё час потерпеть!..

– Если б я знал, что у неё больное сердце!..

– Если б я могла её вернуть!..

– Если б она была жива!..

– Она жива.

Это произнёс дежурный врач, появившийся в вестибюле. Он выпил воды из автомата, подошёл к ним и устало опустился на диван.

– Мы провели внутренний массаж, потом применили электрошок и ввели новый французский препарат. Словом, она жива.

– Жива?! – радостно воскликнули трое бывших сослуживцев. – Жива? – переспросили они уже более спокойно, встали и пошли.

– Вы ничего не хотите ей передать? – спросил врач.

– Пусть зайдёт, когда я вернусь из отпуска.

– У меня репетиция – я забегу в другой раз.

– Коль она живая – подождёт...

Они вышли на улицу.

Врач поднялся с дивана, подошёл к открытому окну, закурил и долго смотрел им вслед, щурясь от яркого июньского солнца.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ИДУЩИЕ НА СМЕХ

ИДУЩИЕ НА СМЕХ

Я люблю Первое апреля – это мой праздник. В этот день все редакции вспоминают о юморе, все ищут что-нибудь весёлое и даже в толстых журналах появляются тонкие остроты.

Накануне этого дня в домах писателей-юмористов предгрозовая атмосфера: хозяин ходит мрачный, раздражённый, кричит на жену, топает ногами на детей, в сердцах бьёт посуду, а жена объясняет плачущим детям, что это папочка сочиняет очень смешной рассказ.

В творческих кухнях эстрадных драматургов закипают новые куплеты, пекутся интермедии, вынимаются из рассола старые проверенные остроты. Кто-то перелицовывает зимний анекдот, кто-то обрезает демисезонный фельетон, делая из него шутку-безрукавку. Даже солидные театры иногда откликаются на первоапрельский призыв и ставят актуальные комедии, где режиссеры умирают в актёрах, актёры умирают от смеха, а зрители умирают от тоски. Это о таких спектаклях сказал Чехов: «Если в первом акте висит ружьё – в последнем акте оно должно выстрелить в драматурга».

Первое апреля – это разгул весны, праздник влюблённых. Женщины поют мужчинам серенады, аккомпанируя крышками кастрюль, а мужчины поднимают бокалы за прекрасный пол, за голубой кафель в ванной, за итальянскую мебель и за чудесных женщин, которые всё это украшают.

Весна в квартирах и за окнами. Старушки выводят в скверики пересыпанных нафталином пуделей, а неоднократно холостые туристы дарят весенние цветы горничным и администраторам гостиниц. И летят, летят стаи весенних шуток.

Первого апреля очень хочется открыть школы повышения чувства юмора для тех, кто не умеет или боится смеяться, и учить, учить, учить...

– Растяните губы в стороны и зафиксируйте это положение – оно называется улыбка. Не получается?.. Помогите себе пальцами, вставьте их в уголки рта и тяните в стороны ушей... Ничего, что кожа трещит – она у вас ещё не разработана. Прodelывайте это упражнение сперва Первого апреля, потом по пятницам и субботам, потом ежедневно. Нет, хохотать вам ещё рано – нельзя давать сразу такую большую нагрузку, надо подготовить организм!

Я люблю Первое апреля. Что бы неприятного мне не сообщили в этот день, я не верю – знаю, что это розыгрыш. Когда в высоких правительственных кругах перед Первым апреля заявили, что уже можно прожить на пенсию, я искренне рассмеялся, я знал, что это они так шутят. Правда, шутка затянулась, то же самое повторили и второго апреля, и третьего, но это, очевидно, потому, что они не смотрят в календарь, не знают, что День Смеха уже прошёл.

В День Смеха можно смеяться над дураками, круглыми, дремучими, стоеросовыми. Можно смеяться во весь голос, и они не помешают, они будут молчать, чтобы себя не выдать, ведь у дураков чувство самосохранения очень сильно развито: «Заставь дурака богу молиться, он лоб расшибёт», «Что с дурака спрашивать», «Дуракам закон не писан»... Видите, какие они для себя удобные поговорки придумали?! Они нарушают законы, а с них не спрашивают. Они дают дурацкие указания, а расшибают лбы те, кто эти указания выполняют. Выходит, дураки – не такие уж дураки, а вот умные... Впрочем, можно смеяться и над умными – в отличие от дураков, умные понимают юмор.

Я люблю Первое апреля – это мой праздник, это праздник всех моих коллег. Сегодня нас наперебой приглашают в клубы и компании, нами «угощают» сотрудников и друзей. Сегодня на эстрадах, на телеэкранах, в учреждениях, за дружескими столами солируют румяные юмористы и грустноглазые сатирики, бойкие и застенчивые, златоустые и косноязычные, маститые и начинающие. Это наш день – мы заполняем его весельем и радостью, мы утоляем печаль и разгоняем грусть, мы заряжаем людей солнечной энергией смеха. Как хочется расширить границы этого праздника, объявить Неделю Смеха, Месяц Смеха, Год Смеха... «Человечество

смеясь расстаеться со своим прошлым». Чтобы идти в Будущее, надо уметь смеяться. И надо уметь смешить.

Обличители и пересмешники, донкихоты и уленшпигели, шуты и скоморохи, паяцы и клоуны – сегодня вы становитесь на круглосуточное дежурство. Да хватит у вас сил и терпения, да не оскудеет ваша любовь к людям.

Да здравствует наш веселый весенний праздник! Идущие на смех приветствую тебя.

ЗАТЯЖНОЙ ПРЫЖОК

Утром жена сообщила, что у нас родится четвёртый ребёнок. И добавила:

– Купить квартиру – нет денег. Значит, надо получить государственную. Добиваться ты не умеешь, поэтому каждый год я буду рожать по ребёнку: если не можем взять качеством отца – возьмём количеством детей!

Придя к себе в институт, я нерешительно приоткрыл дверь директорского кабинета. Там было многолюдно. Шеф и его референт Карлюга проводили совещание.

– Речь идёт о нашем престиже.. Мы должны перегнать остальные институты по всем спортивным показателям... О! Вот и наша надежда! – Это они увидели меня.

Я застеснялся.

– Я не надежда... Я насчёт квартиры...

– Дом сдаётся через неделю, – торжественно сообщил шеф. – Вы у нас первый на очереди.

Попрыгаем – и сразу новоселье.

– Куда попрыгаем? – спросил я, радостно улыбаясь, услышав про новоселье.

– С парашютом. Завтра соревнования.

Я перестал улыбаться.

– Куда прыгать?

– На землю.

– А за-зачем?

– Вы что, не смотрите телевизор? – удивился Карлюга. – Сейчас ведь это модно: кино-артисты выступают на катке, певицы поют в цирке на трапециях... А нынче новое начинание: учёные устанавливают рекорды...

Профессор Быков вчера боксировал на ринге, – он указал на сидящего на диване художочного Быкова с опухшим носом и тремя пластырями на лице. – Доцент Крячко в субботу участвовал в классической борьбе – сейчас отдыхает в реанимации... Теперь очередь за вами. Мы распределили оставшиеся виды спорта – вам выпал парашют.

При слове «выпал» у меня подкосились ноги.

– Когда прыгать? – выдавил я из себя.

– Завтра. В День Птиц, – объявил Карлюга.

В поисках защиты я повернулся к шефу.

– Зачем птицам надо, чтобы я убился?

Он подошёл и положил мне руку на плечо.

– Жилплощадь вы, как многодетный, получите, в любом случае, но... Квартиры есть с лоджиями и без... Есть с видом на парк и с видом на цементный завод... При распределении, мы будем учитывать активное участие каждого в общественной жизни института...

Наступила пауза. Я разжевал таблетку валидола и спросил:

– А если я не долечу до земли?.. Или пролечу мимо?.. Моя семья всё равно получит с видом на парк?

Шеф душевно заулыбался:

– Вы же знаете наше правило: вдовам и сиротам – вне очереди!.. И не волнуйтесь так! – он ободряюще хлопнул меня по спине. – Вы будете не один, у вас опытный напарник! – он ткнул пальцем в бледного юношу в очках, забившегося в угол.

– Это аспирант, – объяснил Карлюга, – его всё равно должны уволить по сокращению штатов.

Я с детства панически боялся высоты. Голова кружилась, даже когда я взбирался на стул, чтобы забить гвоздь. При слове «самолёт» у меня начиналась морская болезнь. Поэтому вечером, дома, я решил потренироваться: несколько раз прыгал с тахты на пол.

... Назавтра, меня и аспиранта в чёрном длинном микроавтобусе, похожем на катафалк, повезли в аэропорт. Следом в машине ехал шеф. За ним, в трамвае – группа поддержки: человек тридцать доцентов, кандидатов, лаборантов и даже уборщица.

На аэродроме нас встретил Карлюга и привезенный им оркестр. Когда мы подъехали, грянул прощальный марш. Но поскольку оркестр был похоронный, то марш звучал уж очень прощально, даже лётчик прослезился.

Инструктор, тихий душевный человек, смотрел на нас с грустью и жалостью. Окинув взглядом мой живот, он велел выдать мне добавочный парашют. На меня навьючили ещё один рюкзак. Если аспирант был похож на одногорбого верблюда, то я напоминал двугорбого.

В воздухе инструктор ещё раз повторил все случаи, при которых парашют может не раскрыться, и троекратно расцеловал каждого из нас. Потом он поднял крышку люка, виновато посмотрел на меня и прошептал: «пора».

Я молча протянул ему конверт.

– Передайте жене. Если родится сын, пусть назовёт его моим именем.

Инструктор попытался меня успокоить:

– Это только в начале чувствуется страх, а потом уже ничего не чувствуется.

– Вперёд, камикадзе! – подбодрил лётчик.

Я закрыл глаза и прыгнул. Когда открыл глаза, я всё ещё был в самолёте, вернее, моя верхняя половина – нижняя уже болталась в воздухе: я застрял в люке. Инструктор и аспирант навалились на мою голову, пытаясь протолкнуть меня, но безрезультатно.

– Надо его намылить, – предложил аспирант.

Тихий инструктор начал нервничать:

– Освободите проход! – кричал он. – Вы же заткнули соревнование!

– Как освободить? – в ответ прокричал я. – Выдохните воздух!

Я издал протяжное «У-у-у!..», вытолкнул из лёгких весь воздушный запас и провалился в пустоту. Кольцо я дёрнул ещё в самолёте, поэтому парашют, не успев раскрыться, зацепился за шасси, и я повис под брюхом самолёта.

Пилот стал выполнять всякие сложные фигуры, чтобы сбросить меня, но я висел прочно.

– Прекратите хулиганить! – кричал инструктор. – Немедленно отпустите самолёт!

Но я не отпускал.

Инструктор до половины высунулся из люка и попытался меня отцепить. Внутри его держал за ноги аспирант. Инструктор уже почти дотянулся до стропы, но вдруг самолёт дёрнуло, и инструктор вывалился наружу. Но не один. Вместе с ним выпал и аспирант, который держал его за ноги. Каким-то чудом инструктор успел ухватить меня за пиджак. Аспирант летел чуть ниже, вцепившись в инструкторские ноги.

Лететь стало веселей. Мы напоминали семью цирковых акробатов на трапеции.

Инструктор кричал, что аспирант пережал ему артерии и у него будет гангрена!.. Чтобы дать отдохнуть инструктору, я предложил аспиранту свои ноги – всё равно они болтались без дела. Но ноги инструктора были тоньше, за них было удобней держаться, и аспирант не хотел менять их на мои.

Сесть с болтающимся выменем из трёх тел самолёт, конечно, не мог. Он стал кружить над аэродромом и резко снижался, давая нам возможность прыгнуть на траву. Но отпадать надо было по очереди, начиная с аспиранта. Самолёт летел так низко, что аспирант уже волочился по земле, но ноги инструктора по-прежнему не отпускал и в конце аэродрома снова взмывал с нами в небо.

Инструктор проклинал свои ноги и желал им отсохнуть вместе с аспирантом.

Бензин был на исходе. Из люка высунули палку с петлёй, поймали аспиранта за ноги, подтянули его к люку и стали втаскивать нас в обратном порядке: сперва аспиранта, ногами вперёд, потом инструктора, потом меня. Меня втянули до половины, и я снова застрял: голова моя летела в самолёте, ноги болтались в воздухе. Но уже было не страшно: самолёт шёл на посадку. Просто мне пришлось вместе с самолётом пробежать с полкилометра по посадочной полосе.

Никто не погиб, все были счастливы.

Оркестр сыграл свой самый весёлый из похоронных маршей.

Только инструктор лежал на траве и не мог двинуться с места: аспирант всё ещё не отпускал его ноги. Он сжимал их железной хваткой. Пришлось отгибать его пальцы плоскогубцами.

Освободив от аспиранта, инструктор поставили на ноги. И тут все увидели, что его брюки за время полёта очень укоротились, превратившись в удлиненные шорты. Но потом разобрались, что дело не в брюках – просто у инструктора, за время висения под нагрузкой, вытянулись ноги, и он стал похож на страуса.

– Завтра повторные соревнования, – объявил Карлюга.

При этом сообщении, инструктор побелел, как мой нераскрывшийся парашют, и на своих несгибающихся ногах поскакал к телефону. Куда он звонил и что говорил, не известно. Но мне засчитали победу и в этом соревновании, и в следующем, и во всех остальных, которые состоятся в ближайшее десятилетие. Кроме того, был засчитан и мой рекорд по бегу: ведь я бежал со скоростью самолёта. Но поскольку бежала только моя нижняя половина, а верхняя летела, то результат разделили на два. Но всё равно он оказался рекордным!

ТЕХОСМОТР

Гурнов очень торопился, а Зильбер мешал ему своими жалобами на здоровье. Зильбер всем наГдоел. Он вечно был недоволен своими врачами и приставал к каждому сотруднику с просьбой порекомендовать ему хорошего специалиста. А сегодня он привязался к Гурнову и именно в такой момент, когда тот собирался уезжать.

– Никаких денег не пожалею, – канючил Зильбер, – только бы он мне что-нибудь путное прописал.

– Ладно, чёрт с тобой! – Гурнов махнул рукой. – Для себя берёг, но поделюсь... Профессор! Все видит насквозь без рентгена. Пиши: Даниил Зубин.

– Ой, спасибо! – возликовал Зильбер. – Он терапевт или хирург?

– Он – всё. Специалист широкого профиля. Скажешь, что от меня.

Счастливый Зильбер записал адрес, еще раз поблагодарил и, наконец, ушёл к себе в отдел.

– Откуда вы знаете этого профессора? – спросила бухгалтер Сонечка, выдававшая Гурнову деньги на поездку.

– Какой там профессор! – Гурнов рассмеялся. – Я ему дал адрес техника, который мою машину ремонтирует. Чтоб больше не приставал.

– Ой, не могу! – Сонечка тоже рассмеялась.

А ничего не подозревающий Зильбер этим же вечером уже звонил в квартиру Зубина.

– Здравствуйте. Я от Гурнова. Мне нужна ваша помощь.

- Вы на машине? – спросил техник.
- Да. На автобусе добрался. Хочу с вами проконсультироваться.
- А машина где?
- Уехала, – ответил Зильбер, имея в виду автобус.
- Странный клиент, – подумал хозяин. – Заочник.
- Потом спросил, подразумевая марку автомобиля:
- Японец?
- Да нет, москвич, – ответил Зильбер, уверенный, что речь идет о нём.
- «Москвичи» уже долго не тянут, – авторитетно заявил техник.
- Это почему? – похолодел от страха Зильбер.
- Двигатели рассыпаются. Они и раньше были недолговечны.
- Спасите! – чуть не простонал Зильбер.
- Сколько отмахали?
- Пятьдесят.
- Это не так уж много, – успокоил его Зубов, имея в виду километраж. – При хорошем уходе до ста дотянете, а то и до ста двадцати, без капитального ремонта.
- Я вам снимки принёс.
- Мне они ни к чему. У меня ваш механизм весь перед глазами.
- Каков специалист! – восхитился Зильбер. – Молодец Гурнов, не соврал!
- На что жалуетесь? – спросил техник.
- Одышка мучает. На горку с трудом взбираюсь.
- Все ясно, – перебил его хозяин. – Мотор не тянет. Включайте нижнюю передачу и потихонечку набирайте скорость. Ни в коем случае не газуйте... Клапана стучат?
- Иногда стучат, а иногда и не прослушиваются.
- Срочно проверить надо и отрегулировать. Что ещё?
- Быстро остываю. Мёрзну. По утрам холодный, как лёд.
- Надо разогреваться. Пока не разогреетесь – никуда не двигаться... Сигналы еще подаёте?
- Кому?
- Встречным.
- Зильбер засмутился.
- Не так, как раньше. Но если уж очень, то...
- С этим надо кончать! – категорически потребовал техник. – На это тоже энергия уходит. И на чужие сигналы не отвечайте. Не гудите и не слепите. Берегите аккумулятор... Как работает коленвал?
- Неважно. Стоит резко разогнуть колено, сразу скрипит, а иногда щёлкает.
- Плохо распределяется смазка.
- Вы имеете в виду обмен веществ?
- И обмен, и давление. Не мешало бы сделать промывание всей системы, сверху донизу.
- И горячим не увлекайтесь. Небось, у каждой колонки заправляетесь?
- Где там. Мне теперь одной бутылки на неделю хватает.
- Ну, это уж чересчур – не надо так экономить. А вот масло очищенное обязательно. И водичку дистиллированную.
- Только дистиллированную? – ужаснулся Зильбер.
- Обязательно. А то засорите сливной бачок. Кстати, он у вас ещё не протекает?
- Нет.
- Следите за этим. А корпус у вас еще крепкий?
- Немного помятый, были переломы.
- Низ не заржавел?

– Н-не знаю. Кажется, нет.
– Пятна? Ссадины? Обязательно проверьте брюхо.
– Хорошо, я проверю.
– Вы вступили в такой километраж, когда необходима регулярная профилактика и тех-осмотры. Проверять всё, всюду, ежедневно. Прослушивать и простучивать. Промывать и смазывать. А главное – строгий режим, ясно? Выезжать только в сухую солнечную погоду. В дождь, в туман – под крышей. На дороге – всех пропускать, не превышать, не обгонять, не газовать... И я вам гарантирую сто тысяч километров безаварийного пробега!..

Через три дня Гурнов вернулся из поездки и на улице встретил Зильбера. Тот бодро и быстро куда-то маршировал.

– Ну, как тебе мой профессор? – ехидно спросил Гурнов.
– Спасибо! Большое спасибо! – Зильбер стал с чувством трясти его руку. – Я теперь других врачей знать не хочу, только у Зубова консультируюсь. Выполняю все его советы и просто ожил. Чувствую себя прекрасно, окреп, хорошее настроение!

Он еще раз крепко пожал руку сослуживцу, посигналил и бодро покатил дальше.

АХ, ЭТОТ ГРИПП!

Грипп, как море: накатывается волнами. Первая – меня миновала, вторая – сбила с ног и бросила в постель, раскалённую, как Сухумский пляж в июле. Я лежал, сухой и горячий, поджариваемый изнутри инквизиторами-вирусами. Вызванный врач появился только к вечеру, тщательно помыл в ванной руки, потом вошёл в комнату, сел рядом со мной и попросил открыть рот. Я выполнил его просьбу, уверенный, что он хочет посмотреть горло. Но врач вынул из «дипломата» маленькое зеркальце и с его помощью стал осматривать мои зубы...

– У вас кариес и пародонтоз!.. Запустили челюсть!

Какой-то металлической штучкой, вынутой из того же «дипломата», снял с зубов камень, потом размассировал пальцами дёсны. Что-то обнаружил, обрадовался.

– О!.. И полость в шестом верхнем. Надо срочно заделать. У вас есть электродрель?

К счастью, её у нас не оказалось. Врач расстроился, огорчился, но потом взял себя в руки и попросил к его следующему визиту достать хотя бы механическое сверло.

– А пока – полощите рот раствором соды.

– А что принимать от гриппа? – робко спросила жена.

Врач растерянно развел руками.

– Видите ли, я – стоматолог. Сейчас широкая эпидемия, терапевтов не хватает, поэтому прислали меня. Бюллетень я открыл и выписал зубной эликсир...

Увидев растерянность жены, добавил:

– Два раза в день массируйте ему дёсна щёткой, утром и вечером – сможет камни грызть!..

Очевидно, он хорошо подлечил мне зубы: когда меня лихорадило, они бодро стучали друг о друга.

Назавтра жена сделала еще один вызов в надежде, что придет терапевт.

Но нам снова не повезло.

В полдень раздался пронзительный звонок и крик за дверью:

– Уберите собаку!.. Немедленно уберите собаку!..

Жена щёлкнула замком и потянула за дверную ручку, пытаясь открыть дверь, но ей не давали это сделать. Потом дверь осторожно приоткрылась, и в образовавшуюся щель протиснулась до блеска выбритая голова и закричала:

– Вы убрали собаку?!..

– У нас нет собаки, – испуганно ответила жена.

– Отойдите в сторону, я сам посмотрю.

Пришедший вытянул шею и покрутил блестящей головой, подозрительно осматривая переднюю, несколько раз призывно посвистел и только после этого переступил порог. В ответ на удивленный взгляд жены выкрикнул:

– Все говорят: «Нету... Нету», а потом кусают!.. Где больной?

Жена указала на дверь спальни и хотела её открыть, но бритоголовый жестом остановил её, поднёс палец к губам и прошипел: «Тс-с-с!» и, приложив ухо к двери, несколько секунд внимательно прислушивался. Потом спросил:

– Он у вас буйный?..

Не дождавшись ответа, решительно распахнул дверь и заорал:

– Оставаться на месте! Не двигаться!..

При моей высокой температуре мне было трудно шелохнуться, поэтому я охотно выполнил его приказание. Но, чтобы показать доктору, что я ещё жив, я напряг последние силы и пошевелил ногой.

Энергичный доктор газелью отскочил в угол комнаты и закричал:

– Что у вас под одеялом? Собака?

Убедившись, что под одеялом, кроме меня, никого нет, подошел ближе, приказал: «Следите!» и стал водить у меня перед глазами каким-то металлическим молоточком, то приближая его к моему носу, то удаляя. От напряжения у меня закружилась голова, и я закрыл глаза, чтобы не видеть прыгающего инструмента. Врач бросил молоток мне на лоб и стал пальцами раздвигать мои веки.

– Я велел следить!

Я мотнул головой, скинул молоток на подушку и снова закрыл глаза. Бритоголовый довольно потёр руки и сообщил жене:

– Бунтует! Типичный агрессивный синдром. У него в роду были шизофреники?

– У нас нет шизофреников. У нас есть грипп, – устало ответила жена.

– При чем здесь грипп? У больного расшатана психика, нервы обнажены. Смотрите!

Откинув одеяло, положил мне ногу на ногу, размахнулся и стукнул молоточком под коленкой. Моя правая нога взвилась вверх и саданула доктора в живот, так, что он отлетел снова в тот же угол и радостно завопил оттуда:

– Рефлекс сохранен – его еще можно спасти! Немедленно в диспансер! Ваше счастье, что прислали меня, а не терапевта – пропустили бы заболевание!

Что-то написал на бумажке и протянул ее жене. – Вызовите спецмашину и ту-ту... Ту-ту-ту-у-у-у!..

Он загудел и задвигал руками и ногами, изображая паровоз. Продолжая гудеть, «выехал» в переднюю, поманил туда жену и вполголоса посоветовал:

– Пока прибудет машина, позовите кого-нибудь из мужчин – с ним опасно оставаться наедине.

Приоткрыл входную дверь, высунул голову в парадное и закричал:

– Уберите собаку!

Вышел, но тут же вернулся и потребовал:

– Не запирайте дверь: если во дворе собака – я прибегу обратно.

...Вскоре газеты сообщили, что на нас накатилась третья волна гриппа. Болели уже и врачи, превращаясь в пациентов. Поликлиники захлёбывались в потоке вызовов и присылали любых медиков, независимо от специализации, тех, кто ещё держался на ногах.

У нас побывал и ортопед-травматолог, который долго искал на моём теле переломы и, не найдя их, поздравил меня с удачей. Когда же я пожаловался на насморк, он растерялся и неуверенно предложил взять нос в гипс... Потом приходила врач-венеролог и задавала такие вопросы, от которых упавшая было у меня температура снова резко подскочила...

За время моей болезни мы так привыкли к разнообразию врачей, что даже явившегося к нам сантехника жена приняла за очередного доктора. Тем более что он задал вполне медицинский вопрос: «На что жалуетесь?». Жена подробно доложила:

– Горло отекло, принимает только тёплую воду, а пища не проходит... И колено ноет.

– Колено сломаем и заменим, а горловину раздолбаем и прочистим, – бодро пообещал сантехник, достав кувалду и большой гаечный ключ.

Жена задохнулась от ужаса, у нее подкосились ноги, и она рухнула на табурет. А мне этот «доктор» помог больше всех остальных. Я вдруг громко и искренне расхохотался. И то ли от этого смеха, то ли от этих визитеров, а может, просто подошло время, но я почувствовал, что выздоравливаю – сел на кровати, опёрся на подушку и на оставленных всеми докторами рецептах набросал этот рассказ.

ЭМИГРАНТ ИЗ СИНОПА

ОТ АВТОРА: Недавно, во время раскопок в районе древних Афин, археологи обнаружили полуистлевшие страницы рукописи, которая была переведена и вызвала повышенный интерес у историков. Мне удалось получить этот перевод, и я спешу познакомить с ним читателей.

Диоген, эмигрант из Синопа, уже который месяц не мог найти крышу над головой. Жить было негде. В Афинах нарастала квартирная проблема: цены на жильё стали заоблачными, и на покупку, и на съём. Бездомные жаловались, возмущались, требовали. В ареопаге регулярно обсуждали этот вопрос, в народном собрании депутаты произносили пламенные речи, все фракция во главе с лидерами (они назывались демагогами) обещали немедленно решить эту проблему, но цены на жильё продолжали расти.

Можно было рискнуть и взять квартиру под залог, но это было чревато тяжёлыми последствиями: греки изобрели очень суровую форму залога, ипотеку: при просрочке платежа должник попадал в рабство.

Диоген ходил по Афинам днём с фонарём.

– Кого ты ищешь? – спрашивали его.

– Честного законодателя, который бы выслушал меня и занялся решением этой проблемы.

Искал долго, очень долго, но не нашёл. Ему сочувствовали, обещали, били себя в грудь, рассказывали о планах строительства для бездомных, но вместо этого вырастали виллы богатей.

Однажды, когда он бродил по городу, пошёл страшный ливень. Диоген искал, где бы спрятаться, и вдруг увидел выброшенную бочку, лежащую на пустыре. Он нырнул в неё. Внутри было сухо и даже мягко: ветер нанёс туда много сухой травы. Под монотонный шум ливня Диоген задремал. Когда он проснулся, ливень уже прекратился, но Диоген не покинул бочку, ему понравилось, и он остался в ней жить.

Сперва над ним смеялись, но потом десятки бездомных по его примеру тоже стали покупать бочки и в них селиться.

Понимая, что это хоть какое-то решение проблемы, правительство ввело для покупки бочек специальную бочкотарную ссуду. Бочки стали расти в цене.

Тогда и все богатые древние греки стали скупать бочки, понимая, какое за ними будущее. Их перепродавали, их сдавали в наём. Использовали бочки из-под капусты, из-под масла.. Особенно ценились пивные бочки: на вечеринки не надо было покупать спиртное – гости пьянели от запаха пива. Кто побогаче – стали делать бочки на заказ, с несколькими отделениями: для детей, для ванны, для кухни. Жить в бочках – стало модно. Появились даже бочки-особ-

няки, целые улицы из бочек. Это создавало особые удобства: не нравится район, можно перебраться в центр или за город, на природу.

Появились новые крылатые выражение, ставшие афоризмами:

«Мой дом – моя бочка» и «Моя бочка – моя крепость».

Но бочек не хватало, начался ажиотаж.

Правительство издало закон: больше двух бочек в одни руки не продавать, банки подняли проценты на ссуду, мол, кому не нравится – катитесь отсюда. И многие укатили туда, где бочки дешевле.

Диоген стал уважаемым и популярным, он считался главным философом- бочковедом. Ему разрешили прикатить свою бочку на самую центральную площадь блистательных Афин. Многие приходили к нему за советом.

Однажды к нему подошёл Александр Македонский. – Я правитель Македонии, а скоро и всего мира, – представился он. – Что мне сделать для тебя ?

– Отойди чуть в сторону, ты заслоняешь мне солнце! – ответил философ..

Александр отъехал к своим друзьям и подданным и сказал: «Если бы я не был Александром, я стал бы Диогеном»...

ОТ АВТОРА: На этом рукопись оборвалась, но я поспешил с её публикацией, понимая, что в ней заложена спасительная идея, как решить жилищную проблему в стране. Я уверен, что и правительство вздохнёт с облегчением: ведь бочки легче построить, чем дома, и в центре страны, и на окраинах. Правда, могут возникнуть и проблемы: например, палестинцы начнут жаловаться в ООН, что Израиль на них катит бочки. Но зато сколько бездомных будут благодарны за эту подсказку!..

А сегодня, учитывая продолжающийся рост цен на жильё, я невольно повторил знаменитую фразу Македонского, примеряя её уже на себя: «Если бы я не был Александром, я стал бы Диогеном». И хотя у меня, у Александра, квартира уже есть – всё-таки два небольших бочонка я приобрёл: надо же обеспечить светлое будущее своим внукам.

В ПРЯМОМ ЭФИРЕ

Диктор: – Дорогие друзья! Мы–в прямом эфире, и вы можете поздравить своих родственников, друзей, соседей с их днями рождений и юбилеями. Итак, кто-то уже на линии. Мы вас слушаем.

Женский голос: – Я хочу поздравить моего дорогого мужа Димочку с его пятидесятилетием. И пусть он знает, что у него есть верная и преданная жена. Пожалуйста, включите для него какую-нибудь душевную песню, в которой выразится вся моя любовь к нему и нежность.

Диктор: – Какую именно песню?

Голос: – Сейчас узнаю. Дима, что тебе спеть?

Диктор: (Удивлённо) – Так он с вами в комнате?

Голос: – Да. Лежит рядом.

Диктор: – Почему же вы его лично не поздравите?

Голос: – Я с ним уже месяц не разговариваю – он такая сволочь!

Диктор: – М-да, понятно. Приглашаем следующего собеседника.

Мужской старческий голос: – Я хочу поздравить всех своих родственников Дубовских, которые эмигрировали из России тридцать лет тому назад. Если они живы, пусть напишут, если нет, пусть хотя бы позвонят...

Диктор: – Хорошо, передадим. Кто следующий?

Робкий женский голос: – Здравствуйте, это – я?

Диктор: – Это вы.

Робкая: – Вы уверены?

Диктор: – Уверен, уверен. Вы в прямом эфире, говорите.

Робкая: – Что-то я не узнаю свой голос. Я, наверное, не туда попала.

Диктор: – Туда, туда! Говорите!

Робкая: – Ой, вы меня разыгрываете. Я перезвоню, чтобы было наверняка.

Диктор: – Фу-у!.. Кто ещё на линии?

Томный женский голос: – Здравствуйте! Меня зовут Лариса. Я хочу поздравить с днём рождения моего любимого. Можно, я прочитаю ему свои стихи?

Диктор: – Пожалуйста.

Томная: – «Тебя люблю все более,
Любовь моя цветёт,
Люблю тебя, мой Толя,
Тебя целую в рот...»

Диктор: (поспешно) – Спасибо. Кто следующий?

Дряхлый старческий голос: – Здравствуйте. Я очень люблю радиопередачу «Любовь с первого слова», особенно, для тех, кому за восемьдесят. И я хочу поздравить её ведущего Горбатого Кирылу..

Диктор: – Вы имеете в виду Курбатого Кирилла?

Дряхлый: – И его тоже. И хочу попросить, чтобы после этой передачи он раздавал всем «виагру».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.